

*В. М. Рыбаков**

Танские законы о противоправных действиях в оборонной сфере

АННОТАЦИЯ: Военные усилия и связанная с ними деятельность военной и гражданской администрации являются одной из важнейших сфер государственного строительства. Некоторые аспекты этой деятельности носят вневременной, можно сказать – общечеловеческий характер. Поэтому и законы, регулирующие оборонную активность, представляют не только академический интерес. Выявление общего и особенного в данной области представляется весьма важным. В данной статье на материале китайских уголовных законов эпохи Тан подробно описаны и проанализированы правовые нормы танского государства, направленные на оптимизацию военных усилий и рутинной, в том числе и карательной, деятельности государственного аппарата по их обеспечению.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, уголовное право, военное строительство, оборонная активность

Понятно, что сколько-либо крупные военные действия и срочные переброски воинских формирований нельзя отнести к повседневной рутине военной службы. Но судя хотя бы по тому, что трёхвековая история танской династии (618–907) изобилует как внешнеполитическими акциями, до поры до времени позво-

* Рыбаков Вячеслав Михайлович, д. и. н., ведущий научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург), ouyangtsev@mail.ru

лявшими впечатляюще расширять пределы государства, а затем более или менее успешно защищать эти пределы, так и внутренними конфликтами (особенно во второй половине времени правления Тан), применение войск в ту пору нельзя назвать чем-то совсем уж из ряда вон выходящим. Армейские операции большего или меньшего масштаба были не в диковинку.

Е. И. Кычанов констатирует предельную суровость танских военных законов.

Смертью карали, например, даже за громкий разговор в военном лагере; ...если в бою погибал командир, то казнили его окружающих (свиту); за потерю знамени или барабана или захват их противником казнили весь отряд; смертная казнь полагалась за присвоение с целью получения награды головы противника, добытой другим... В целом казнили за 21 преступление или проступок [Кычанов, 1986, с. 246]¹.

Однако в «Тан люй шу и» 唐律疏議 («Уголовные установления Тан с разъяснениями»), уголовном кодексе династии Тан, об этих суровых наказаниях, да и о наказуемых ими деяниях, речи практически нет. А проступки высших должностных лиц, связанные с неадекватностью оборонных усилий и приведшие к поражениям и потерям во время военных операций проходят как разновидность действий категории *шаньсин* 擅興. Это название одного из разделов Кодекса я передаю выражением «Самовластные мобилизационные действия», и статьи о, скажем, отступлении с боевых позиций или сдаче обороняемого объекта врагу составляют лишь его незначительную часть. У. Джонсон перевёл то же словосочетание как «unauthorized levies» [The T'angCode, 1997, p. 210], то есть «незаконные поборы», «несанкционированное обложение налогами и податями», и в этом разделе действительно куда больше говорится о неправомерных акциях властей по, например, призыву на службу, нежели собственно о войне. Перечень статей раздела показывает, что и трусливое бегство начальника гарнизона от противника, и распоряжение о выдаче рядовому составу вооружения без санкции свыше, и неоправданное предоставление отпуска подчинённому рассматривались танскими законодателями как преступления одного и того же рода: административное самоуправство, начальственный произвол. По-

¹ Эти сведения Е. И. Кычанов приводит со ссылкой на «У цзин цзун яо» («Важнейшие сведения, выбранные из военных трактатов») Цзэн Гун-ляна и Дин Ду, опубликованного в серии «Сы ку цюань шу» (Пекин, 1934 г.).

рой невозможно понять даже, во время войны произошло то или иное преступное деяние или во время мира. Это, видимо, было несущественно; куда важнее считалось то, что военный чин в принципе проявил самовольство.

Ведь действия военной администрации в экстраординарных ситуациях отнюдь не сводились к собственно руководству активными военными операциями. Прежде всего, в случаях необходимости эти операции надлежало готовить, начинать и осуществлять строго по закону и в пределах задач, поставленных высшей инстанцией (ибо несанкционированное применение военной силы всегда чревато дестабилизацией обстановки в стране в целом и прямой опасностью для правящей элиты). Подготовка же подразумевала обеспечение людскими и материальными ресурсами, а осуществление – поддержание порядка в войсках, причём – даже в самых острых ситуациях; а всё это уже вполне может быть отнесено к рутинному функционированию как гражданской, так и военной бюрократии в их взаимодействии.

Танские общеобязательные установления об армии и пограничной страже (*цзюньфанлин* 軍防令) удалось восстановить в достаточно полном объёме [Ниида Нобору, 1964, с. 365–389]; кроме того, некоторые недостающие моменты можно попытаться представить себе по аналогичным японским *рё* [Свод законов «Тайхорё», 1985, с. 14–36].

В некоторых установлениях содержатся не слишком, правда, существенные для нашей проблематики, но весьма колоритные детали.

Всякий раз, когда полководца отправляют в поход, он испрашивает благословения в храме предков. [Ему] вручают секиру (*фуюэ* 斧鉞), он приносит жертвы и постится (*цычжай* 辭齋) в храме Тай-гуна (太公). После принесения жертв не возвращается ночевать домой. В день, когда главнокомандующий возвращается с победой, Сын Неба направляет посланца встретить [войско] в предместье и воздать хвалу за подвиг. Соответствующие должностные лица (*юсы* 有司) сначала возвещают о победе в Императорском храме предков (*таймяо* 太廟), затем молятся и постятся (*гао-чжай* 告齋) в храме Тай-гуна [Ниида Нобору, 1964, с. 371]².

Всякий раз, когда [был предпринят] поход, а гвардеец

² Под Тай-гуном, очевидно, имеется в виду полуполюгендарный военачальник основателей династии Чжоу Цзян Цзы-я, основатель военной науки Китая.

или [военный с более] высокой [должностью] умер в походной армии, полностью переписывают бывшее при нём имущество (*суйшэнь цзыцай* 隨身資財) и передают [его вместе с телом умершего] человеку из той же дружины ополчения для возвращения (*хуань* 還) [этого имущества семье умершего]. Если нет человека из той же дружины, передают в ближайший округ или уезд для отправки (*сун* 送) [семье умершего] [Там же, с. 378–379].

Всякий раз, когда [предприят] поход и доспехи или оружие были испорчены или потеряны не во время боевого противостояния (*бу цзин чжаньчэнь* 不經戰陳), [виновный] восстанавливает (*ли* 理) две трети [ущерба]. Если было испорчено или потеряно во время боевого противостояния – не возмещает (*бу чан* 不償), а испорченное чинит казна (*гунаньсю* 官修) [Там же, с. 379]³.

Все военное снаряжение на складах хранится в крытых помещениях (*пэнгэ* 棚閣). [Каждая] категория [снаряжения] – отдельно. В надлежащее время [его] просушивают и проветривают [Там же, с. 380].

Или весьма многозначительные предписания:

Всякий раз, когда командующий (*дацзын* 大將) выходит в поход, если [его] офицеры или солдаты (*ши цзу* 士卒) [накануне или во время] боевого соприкосновения с противником (*линьцзюнь дуикюу* 臨軍對寇) не выполняют приказов, ему предоставляется прерогатива осуществлять над ними наказания (*дэ чжуань син ци фа* 得專行其罰) [Там же, с. 374].

Всякий командующий, выступивший в поход и вернувшийся с победой, пока армия ещё не распущена, при полном сборе (*цзе хуйчжун* 皆會衆) [составляет] документ о заслугах [каждого] и о том, что [каждым] было израсходовано (*шу лао юй ци фэйюн* 書勞與其費用), о количестве [каждым] взятых в плен, а также отрезанных [у убитых врагов] голов и левых ушей, всё это предаёт известности (*лубу и вэнь* 露布以聞) и оглашает в Императорском храме предков [Там же, с. 375].

Относительно начальствующего состава армий есть подробнейший перечень, но, к сожалению, он состоит в большей степени из названий должностей и в гораздо меньшей степени – из

³ Ниида Нобору отмечает, что в японском варианте аналогичного установления вместо *ли* 理 написано *чжэн* 徵, то есть «взимается».

описания должностных обязанностей, соответствующих этим названиям, так что порой эти названия можно перевести лишь гадательно. Толкований для некоторых из них не удаётся обнаружить ни в каких словарях.

Всякий раз, когда отправляют полководца в поход (*цзяншуй чу чжэн* 將帥出征), если солдат 10 тыс. и более, [в штате предусмотрены] должности главного администратора (*чжаниши* 長史), [помощника], ведающего важными делами (*сыма* 司馬), сотрудников по делам зернохранилищ (*цанцао цаньцзюньши* 倉曹參軍事), по делам шлемов (*чжоуцао цаньцзюньши* 冑曹參軍事) и по делам личного состава (*бинцао цаньцзюньши* 兵曹參軍事), всех – по одному человеку. Если [солдат] 5 тыс. и более – сокращается [должность помощника], ведающего важными делами [Там же, с. 372].

В каждую армию [назначается] один командующий (*дацзян* 大將). [При нём] восемь нарочных музыкантов (*бецзоу* 別奏)⁴ и двенадцать порученцев (*цань* 僉). [Далее] два товарища (*фу* 副) командующего, они участвуют в управлении делами армии. [При них] музыкантов и порученцев по сравнению с командующим вдвое меньше. Администраторов

⁴Относительно правильности понимания этого термина уверенности нет. Обнаружить толкование данного термина самими китайцами или кем-либо еще мне пока не удалось. Поскольку *бецзоу* перечислены как что-то типа личной obsługi, наравне с порученцами, я счел, что это не административная и не военная должность. Музыка тогда придавалось громадное назначение – и как воодушевляющему фактору, и как средству сосредоточиться и помедитировать, отдохнуть и пр. Основное значение иероглифа *цзоу* 奏 – играть на музыкальных инструментах («1. играть (*на муз. инструментах*; ... 2. докладывать, сообщать вышестоящим...») [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, т. 3, с. 664]. Конечно, можно было бы предположить, что это какие-то отдельные докладчики (доносчики? согладатаи, обязанные периодически доносить о том, что подсмотрели и подслушали, о состоянии дел?). Но такой перевод выглядит притянутым за уши не менее, если не более, чем «музыканты». Были же штатные караульные, начальники охраны и так далее, они упоминаются отдельно. Настораживает и то, что *бецзоу* полагаются и заместителям, – а в доносах те наверняка меньше нуждались, если уж их получал сам командующий. Однако в независимом от командующего музыкальном обслуживании они вполне могли нуждаться. Я остановился на версии, согласно которой *бецзоу* – что-то вроде личной музыкальной команды для командующего и, соответственно в меньших размерах, для его высших офицеров.

(*паньгуань* 判官) двое. Интендантов (*дянь* 典) четверо. Главнoуправляющих (*цзунгуань* 總管) четверо, двое [из них] начальствуют (*чжу* 主) над левым и правым караульными (*юйхоу* 虞候), двое – над левым и правым начальниками охраны (*яя* 押衙). Порученцев у каждого [из них] по пять человек. [Далее] восемь строевых командиров (*цзыцзян* 子將), они отвечают за движение в строю, содержат в порядке гонги и барабаны и [ведают их] размещением. Порученцев у каждого из них по двое. [Далее] двенадцать барабанщиков (*чжигу* 執鼓) и двенадцать трубачей (*чуйцзяо* 吹角). [Далее] заведующие (*сы* 司) личным составом, [заведующие] амбарами, [заведующие] кавалерией, [заведующие] шлемами, оградами и запорами (*чжоучэнцзюн* 冑城扃) – всех по одному человеку. Каждый взвод (*дуй* 隊) состоит из 50 человек. [В каждом взводе] надзиратель (*ягуань* 押官) – один. Взводный (*дуйтоу* 隊頭) – один, товарищей [взводного] – двое. Знаменосец (*цитоу* 旗頭) – один, товарищей [знаменосца] – двое. Начальников отделений⁵ (*хочжан* 火長) – пятеро... [Там же, с. 372–373]⁶.

Помимо прочего, в танских *линах* содержится важнейшее положение:

Всякий раз, когда отправляют (*чай* 差) войска от 10 бойцов и более, необходимы документ с Высочайшим распоряжением и медная [состоящая из двух частей бирка в форме] рыбы, при сверке составляемая воедино (*туньюй чиюу каньтун* 銅魚敕書勘同). [Только если части её] сошлись, [войска] приводятся в движение (*чайфа* 差發). Если срочно потребовалось применение войск и по времени невозможно направить докладную записку (*чжунь чэн бу дэ цзоувэнь* 準程不得奏聞), разрешается приводить в движение [войска смотря по] ситуации [Ниидэ Нобору, 1964, с. 371]⁷.

⁵ Дословно: «старший у огня», «начальник костра». То количество бойцов, кто грелся (и, возможно, готовил пищу) у одного костра, я и передаю нашим термином «отделение», обозначающим в современных условиях наиболее мелкую единицу армейской структуры.

⁶ Относительно функций надзирателей, судя по тому, что среди значений иероглифа *я* 押 помимо «держат под надзором, присматривать» есть и «брать под стражу, ... арестовывать, ... конвоировать» [Большой китайско-русский словарь, 1983–1984, т. 2, с. 929], можно предположить, что этот офицер был представителем чего-то вроде военной полиции.

⁷ Данное установление реконструировано по тексту «Тан луй шу

Отход с обороняемых объектов

На каждом уровне военной службы – свои проступки, свои провалы, свои уголовно наказуемые деяния.

Военачальник (*чжуцзян* 主將) любого уровня, то есть офицер, лично возглавляющий тот или иной вверенный ему воинский контингент, будь то начальник пограничной заставы (*шучжэ* 戍主), гарнизона (*чжэнь* 鎮), войск укрепленного города (в пограничной зоне (*бяньчэн* 邊城) либо административного центра округа или уезда (*чжоусяньчэн* 州縣城)), обязан был надлежащим образом организовать сторожевую службу на вверенной ему территории, а буде появилась бы непосредственная угроза – стоять насмерть. В качестве фатально преступного Кодекс описывает следующее поведение всех этих военачальников и администраторов:

- ◆ Защищая укрепленный населенный пункт, потерпел от злодеев поражение (*шоу чэн вэй цзэй со бай* 守城為賊所敗);
- ◆ был нестойк в обороне (*бу гу шоу* 不固守);
- ◆ бросив вверенный укрепленный населенный пункт, бежал (*ци чэн эр цюй* 棄城而去);
- ◆ не организовал [должным образом] подготовку обороны и был внезапно разбит злодеями (*шоубэй бу шэ вэй цзэй яньфу* 守備不設為賊所掩覆).

и». Выражение *чжунь чэн бу дэ цзоувэнь* надо понимать в том смысле, что согласно нормативам движения, исходя из времени, обычно отводящегося на путь (*чэн* 程), в том числе и особым нормативом, регулирующим темп движения гонцов, докладная записка никак не поспевала бы достичь адресата ко времени, когда войска уже необходимо было вводить в действие. «Время, отведенное на путь, – согласно общеобязательным установлениям, при езде на лошади [полагается преодолевать] 70 *ли* в день, при езде на осле или при ходьбе пешком – 50 *ли*, при езде на повозке – 30 *ли*. Время, [отведенное на путь] по воде, [при движении] по Янцзы, или Хуанхэ, или другим рекам, вниз или вверх по течению, во всех случаях не одинаково. Кроме того, поскольку скорость при езде на повозке, на лошади и при ходьбе человека пешком не одинакова, [в ситуациях] совместного движения всегда [определяют] срок [прибытия], исходя из [скорости самого] медленного [средства передвижения]» [Тан луй. Ст. 25; Уголовные установления Тан, 1999, с. 164]. См. также: [Нида Нобору, 1964, с. 602–603]. Курьерам в зависимости от срочности дела предписывалось проезжать четыре почтовые станции в день (то есть норматив суточного движения составлял 120 *ли*, или чуть более 67 километров), а то и по шесть (то есть по 180 *ли*, или несколько более 100 километров) [Синь Тан шу, 1975, с. 1196]. Подробно о курьерах см.: [Рыбаков, 2018, с. 380].

Последний пункт конкретизировался так:

В приготовлениях были упущения, дозорные были настороже (*юйбэй ю цюэ сюньцин бу янь* 預備有關巡警不嚴) [Тан луй. Ст. 233; Уголовные установления Тан, 2001, с. 262].

Очевидно, перечисленные ситуации могли перетекать одна в другую. Например, нестойкость в обороне вполне могла завершиться бегством из брошенного на произвол судьбы гарнизона. Но могли эти коллизии возникать и изолированно – нестойкость в обороне могла проявиться в быстрой капитуляции без оставления вверенного объекта (возможно, командующему просто было уже не сбежать из осаждённого города), и наоборот, бегство вполне могло случиться на первых же стадиях военного противостояния, когда даже кольцо осады ещё не оказалось замкнуто и нестойкость в обороне фактически ещё не была проявлена.

Однако все эти коллизии были так или иначе связаны с обороной укреплённых объектов, а о сражениях в поле речи тут нет.

Во всех этих случаях начальник данного объекта подлежал обезглавливанию.

Ответственность возлагалась также и на тех, чьей прямой обязанностью была разведка. Они не были ответственными начальниками, но именно им было поручено следить за противником, контролировать обстановку и предупреждать начальство об опасностях вовремя. В первую очередь речь тут шла о ситуации боевого соприкосновения с противником, «когда укреплённые лагеря противников расположены рядом так, что знамена и бунчуки одних видны другим» (*цзюньлэй лянъцзе ци мао сян ван* 軍壘連接旗旄相望). Если разведчики (*чихоу* 斥候) не справились с возложенной задачей, вина возлагалась на них.

Виновность эта подразделялась на два уровня соответственно последствиям халатности и недостатка бдительности.

Если дозорные просто не заметили того, что противник выступил и вошёл в зону их ответственности, что вполне могло быть равноценно просто-напросто пересечению границы, вступлению в пределы страны (разбойники пришли и вступили внутрь – *цзэй лай жу цзин* 賊來入境), виновным разведчикам полагалось 3 года каторги.

Если же следствием этого явилось то, что противник смог заставить гарнизон или армию врасплох и нанести внезапный удар, приведший к потере населённого пункта и поражению войск (*яньси чжи чэн ци жэньбин ю фубай* 掩襲致城及人兵有覆敗), разведчиков казнили обезглавливанием.

Отход с боевых позиций

Понятно, что боевые действия не сводятся к защите осаждённых городов и укреплённых опорных пунктов. Судьбы военного противостояния, как правило, решаются в полевых операциях генеральными баталиями. Поэтому отдельная норма права была предназначена специально для блокирования ненадлежащего поведения военных в битве. Здесь Кодекс вводит очередной, опять-таки чисто описательный термин, являющийся характеристикой следующей и тоже совершенно определённой стадии развития боевых действий: *линьчжэнь* 臨陣, что можно понять как «на боевой позиции непосредственно перед началом сражения». В более развёрнутом виде тот же термин выглядит как *линьчжэнь цзяобин* 臨陣交兵, то есть «на позиции во время боевого противостояния». Уточнением к нему служит выражение *коуцзэй дуйчжэнь* 寇賊對陣, применяемое когда противник (однозначно понимаемый как разбойник, бандит, преступный элемент) тоже построился в боевую позицию и готов к началу активных действий, а то и уже начал их. В общем, обе противостоящие армии стоят друг против друга, готовые к бою, а возможно, уже и вступили в него.

Если в это время кто-либо из военнослужащих, начиная с военачальников (*чжуцзян* 主將) и кончая рядовыми бойцами (*чжаньши* 戰士), отступил первым, бросил оружие, оставил позицию, показал неприятелю спину или попытался сдаться, он подлежал казни обезглавливанием.

Характерно, что ровно такому же наказанию подлежали те, кто повёл себя недостойно по отношению к тем самым *коуцзэй*, с которыми шла борьба. Танская военно-политическая доктрина подразумевала как вооружённое противостояние с непокорными соседями, так и широкое применение того, что ныне зовётся «мягкой силой», привлечением сердец. Тех, кто проявляет непокорство, надлежало карать, тех, кто изъявляет покорность сам, — принимать с распростёртыми объятиями. Это требование высокой теории проявлялось даже в такой конкретной и приземлённой сфере, как уголовное право.

Когда в ситуации пребывания на позиции перед битвой, а то и уже во время столкновения, либо даже вне боевого соприкосновения кто-либо из противников отделялся от своих и сдавался, его жизнь была гарантирована законом. Если кто-либо из военных, опять-таки начиная с военачальников и кончая рядовыми, самоуправно казнил смертью сдавшегося врага, он подлежал обезглавливанию.

Той же статьёй Кодекса устанавливались ограничения самовластию командующих. Здесь стоит напомнить одно из общеобязательных установлений, уже процитированное выше:

Всякий раз, когда командующий выходит в поход, если [его] офицеры или солдаты [накануне или во время] боевого соприкосновения с противником (*линьцзюнь дуйкоу* 臨軍對寇) не выполняют приказов, ему предоставляется прерогатива осуществлять над ними наказания [Ниидо Нобору, 1964, с. 374].

Имеется и ещё одна констатация того же рода:

... Когда применить [наказание], а когда оставить [без наказания, полководец решает] исходя из ситуации... [Тан люй. Ст. 231; Уголовные установления Тан, 2001, с. 260].

Однако все эти особые права командующего немедленно отменялись, как только армия возвращалась назад и распускалась. Тогда без проволочек вновь вступали в действие гражданские законы, и их власть была безальтернативной.

После возвращения армии (*цзюнь хуань* 軍還) тому, кто нарушил или преступил армейский приказ (*цзюньлин* 軍令), если относительно совершённого преступления в уголовных установлениях (*люй* 律) есть [соответствующая] статья, приговор определяется согласно уголовным установлениям. Если же он только нарушил распоряжение командующего и в уголовных установлениях нет [соответствующей] статьи, то после возвращения армии не должно определять ему наказание [Тан люй. Ст. 234; Уголовные установления Тан, 2001, с. 263].

Другими словами, если приказу командующего можно было отыскать аналог в уголовных законах *люй*, то есть в самом «Тан люй шу и», и, следовательно, нарушение приказа являлось одновременно и нарушением гражданского общегосударственного уголовного закона, тогда это нарушение подлежало наказанию, причём именно тому, какое полагалось по уголовному кодексу. Если приказ командующего сулил за данный проступок иное наказание, это было уже неважно. Ну а если приказу командующего аналога в *люй* не находилось, то есть он был продиктован только текущей военной ситуацией и военным временем в целом, наказания за его нарушение после возвращения армии вообще не полагалось.

Неправомерные перемещения войск

Однако столь экстраординарные кары, как и рассмотрение столь экстраординарных ситуаций, для общегражданского уголовного Кодекса были исключением. А вот рутинная военная организация и введение наказаний за нарушения, совершённые во время исполнения рутинных обязанностей, – правилом.

Понятно, что несанкционированная, по инициативе и произволу местных гражданских властей или локального военного командования предпринятая мобилизация или переброска войск представляют собой по меньшей мере вызов государству, а то и чреватые прямой угрозой для него. Именно поэтому приведение в движение сколько-нибудь крупных подразделений (от десятка бойцов и более) по закону было возможно исключительно после получения соответствующих предписаний с самого верха центральной государственной администрации. Если только не возникало каких-то форс-мажорных обстоятельств.

Собственно, даже произвольное перемещение менее чем десяти человек тоже по закону было недопустимо, но каралось всего лишь как тяжёлое неположенное действие (*бу ин дэ вэй* 不應得為)⁸, то есть 80 ударами тяжёлыми палками. Так поступать было нельзя, и за подобную инициативу полагалась острастка – но не более. Однако с момента когда приведение войск в движение начинало требовать императорского приказа и соответствующей бирки⁹, самоуправство местных властей в этой сфере начинало считаться куда более тяжким преступлением.

Термином *фабин* 發兵 (буквально: «двинуть войска») обозначалась, надо полагать, постановка «под ружьё» и отправка с места постоянной дислокации. Виновны в таком происшествии могли оказаться, как правило, два начальника: гражданский администратор того или иного уровня, который отдал письменный приказ о мобилизации и тем самым инициировал тревогу и переброску войск, и военный администратор той или иной воинской группировки, который по получении этого приказа действительно сформировал из вверенных ему сил тот или иной отряд, вооружил и снабдил его и отправил в поход. Во всяком случае, соответствующая статья Кодекса исходит именно из такой структуры подчинения и такой последовательности действий. Первые начальники вообще никак конкретно не обозначены, но, очевид-

⁸ Подробнее о неположенных действиях см.: [Рыбаков, 2018, с. 446].

⁹ О бирках на приведение войск в движение (*фабин фу* 發兵符) и прочих см.: [Рыбаков, 2018, с. 233].

но, к ним относились, прежде всего, полномочные административные руководители, главы тех или иных административных единиц, скажем, начальники уездов, округов, военно-гражданские губернаторы уровня *дуду* 都督 (буквально: «общие» или «генеральные предводители») и подобные им, а возможно, и высший комсостав. Военные начальники описательно названы *чжибин чжэ* 執兵者, то есть «те, кто непосредственно руководит войсками», «держит их в руках». Именно к первым из этой пары, к тем, кто отдал изначальный приказ, и относится, собственно, термин *фабин*. О военном же начальстве говорится *цзюй* 給與, то есть «предоставил», «выделил», «отрядил». Первые ставили задачу, вторые обеспечивали силы и средства для её выполнения.

Конечно, танские законодатели вполне отдавали себе отчёт в том, что потребность в применении войск может возникнуть не только по воле столичных органов военного планирования и не только с Высочайшего дозволения. Инициатива начала военных действий вполне могла принадлежать тому или иному реальному и опасному противнику, и тогда откладывать ответные действия до получения каких-то приказов из столицы было бы недопустимо и даже преступно. В этой ситуации законодателям приходилось как-то пытаться решить разом две, в общем-то, не очень совмещающиеся, а порой и взаимоисключающие задачи: ограничить инициативу местных командиров и в то же время дать им возможность своевременно реагировать на внезапные угрозы. Поэтому однозначный запрет на самостоятельное *фабин* снабжён в уголовном кодексе многочисленными, многоступенчатыми оговорками. Из них, собственно, только и можно представить себе в деталях сложную процедуру надлежащего начальственного поведения, зажатого в узкий канал между преступным самоуправством и преступным бездействием.

Во-первых, даже если войска действительно требовались и их отправка была закономерной реакцией на какие-то грозные события или обоснованные опасения, начальник, имевший намерение привести их в движение, должен был сначала запросить центр и дождаться получения оттуда соответствующего разрешения.

Во-вторых, тот командир, которому был направлен приказ о выделении войск, по его получении тоже должен был запросить центр и дождаться разрешения.

В-третьих, только если возникающая угроза была очевидной, бесспорной и требовала срочного реагирования, можно было сначала поднять войска, а уж потом уведомить о происходящем центр.

Поэтому в Кодексе об инициаторе операции говорится:

Имеется в виду, что самоуправно привёл войска в движение (*чжэ фабин* 輒發兵), когда не было ни тревоги, ни срочной необходимости (*цзинцзи* 緊急), и к тому же не сообщив сначала наверх (*бу сянь яньшан* 不先言上). Если хотя бы и сообщил наверх, но не дождался ответа (*бу дай бао* 不待報), [действия] также рассматриваются как самовластные [Тан люй. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 241].

И о получившем от него приказ армейском офицере:

Хотя бы и имел место официальный документ о приведении войск в движение (*фабин взньшу* 發兵文書), тот, кто распоряжается войсками, не должен сразу их выделять (*чжибин чжэ бу хэ цзи юй* 執兵者不合即與). Ему также необходимо сначала сообщить наверх, дожидаться ответа и только после этого выделять [войска] [Тан люй. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 242].

О разрешении нарушить закономерную очерёдность действий и сначала принять надлежащие меры, а уж потом уведомить центр:

Если бойцы-разбойники (*коуцзэй цзу* 寇賊卒), неожиданно появившись, вошли в пределы [страны] и хотят штурмовать [какой-либо укреплённый населённый пункт] либо нанести внезапный удар [по каким-либо объектам], а также если внутри страны в укреплённом городе или военном поселении, где собраны пехота и конница, либо произошли Восстание против или Измена (*фань пань* 反叛)¹⁰, либо внешние злодеи [в результате] своих действий получили [там] отклик изнутри государства (*хо вай цзэй цзысян фаньдун нэй ин гоуцзя* 或外賊自相翻动内應國家)¹¹, при делах, по-

¹⁰ Здесь, очевидно, имеются в виду действия, квалифицируемые как первое или третье из Десяти зол: Умысел Восстания против (*моуфань* 謀反) и Умысел Измены (*моупань* 謀叛). (Здесь и далее авторская орфография сохранена. – *Ред.*)

¹¹ В основном тексте статьи последняя ситуация кратко охарактеризована как *цзэй ю нэй ин* 賊有内應, то есть «злодеи получили внутренний отклик», «у врага появились пособники (сторонники, агенты, те, кто поддерживает их изнутри)». Эта лаконичная фраза, на мой взгляд, не позволяет перевести несколько запутанное разъяснение как-либо принципиально иначе, чем это сделано здесь. В чём заключался такой отклик, сказать трудно, но понятно, что этим понятием могли быть охвачены самые разнообразные пособнические действия, не подпадающие под

добных этим, срочно требуются войска. Тогда можно отправлять [войска] сообразно обстоятельствам (*дэбянь* 得便). Имеется в виду, что сообразно обстоятельствам разрешается отправлять войска, не сообщая наверх сначала и не дожидаясь ответа. ...Во всех случаях сразу затем сообщают наверх. Всегда имеется в виду, что там, где возникла срочная необходимость во вмешательстве войск, не обязательно сообщать наверх сначала [Тан люй. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 243].

Таким образом, чтобы приведение войск в движение без иницилирующего это мероприятие приказа центра могло быть квалифицировано как самоуправное и, следовательно, преступное, ставились следующие условия: во-первых, немедленного экстренного силового реагирования обстановка не требовала, во-вторых, если у местной администрации имелись оправданные опасения и войска вот-вот могли и впрямь понадобиться, разрешение на их мобилизацию и применение не было вовремя испрошено у центра, в-третьих, даже если обстановка требовала срочного применения войск и надлежащие действия и впрямь были оправданно предприняты, центр не был поставлен об этом в известность хотя бы задним числом.

Кроме того, вводилось ещё одно условие.

[В ситуациях с] беглыми, ворами или злодеями, когда соразмерно [их числу] посылают достаточное количество людей для их поимки (*цюаньчай жэньфу цзу и чжуйбу* 權差人夫足以追捕), данное уголовное установление не применяется. ...Имеется в виду, что если это не военизированные разбойники (*бинкоу* 兵寇), а всего лишь беглые, либо воры или злодеи, местным официальным учреждениям (*соцзай гуаньфу* 所在官府) можно соразмерно [их числу] посылают достаточное количество людей для их поимки. Это не подпадает под [действие] нормы о самовластном приведении войск в движение [Тан люй. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 244].

Стало быть, противник, требующий реакции со стороны именно регулярной армии, должен был являться непременно *бинкоу*, то есть, если понимать буквально, – «солдатами-разбойниками». Под это определение однозначно попадают ино-

статьи о Восстании и Измене. Перевод этого фрагмента несколько уточнён по сравнению с моей публикацией 2001 года.

странные неприятельские войска, а также, насколько я понимаю, свои же взбунтовавшиеся армейские части либо, так сказать, организованные бандформирования. В данном же случае, судя ещё и по тому, что применительно к своим силам не употреблён термин *бин* 兵, а сказано просто *жэньфу* 人夫, то есть «совершеннолетние тяглые мужчины из местного населения», явно имеется в виду, что для поимки обычных уголовников, пусть и сколь угодно многочисленных, применялись не регулярные части, а лишь местные мужчины призывного возраста, наверняка военнообязанные¹², возможно, состоящие в местных дружинах ополчения, но в настоящий момент в армии не служащие. По организации и вооружению они, конечно, принципиально уступали кадровым войскам. Поэтому и санкции центра на их мобилизацию и применение не требовалось, и наказания за их применение по инициативе местной администрации не предусматривалось.

Итак, если в ситуации, когда не было ни тревоги, ни срочной необходимости и к тому же не запросив сначала разрешения центра и не дождавшись его положительного решения, некий местный начальник отдал письменный приказ о приведении войска в движение, он был однозначно виновен в военном самоуправстве. Тяжесть полагавшегося ему наказания целиком зависела от того, насколько крупный воинский контингент он попытался задействовать. Как уже упоминалось, если не было полного десятка бойцов, наказание равнялось лишь 80 ударам тяжёлыми палками. За мобилизацию 10 бойцов и более (вплоть до 99) администратору грозил один год каторги. За полную сотню – полтора года каторги. И затем за каждые последующие 100 бойцов наказание следовало увеличивать на одну степень. Таким образом, если в приказе фигурировали отряд численностью в 700 бойцов и более, наказание достигало ссылки на 3 тыс. *ли*. Если же преступный администратор попытался поднять 1 тыс. бойцов и более, его карали давлением¹³.

Виновным администратор считался с того момента, как отдал

¹² «Все люди с 20 лет становятся военнообязанными (*вэй бин* 為兵), а в 60 лет избавляются [от воинской повинности]» [Синь Тан шу, 1975, с. 1325].

¹³ Шкала наказаний в танском праве насчитывала пять качественных градаций строгости: битье лёгкими палками, битье тяжёлыми палками, каторга, ссылка и смертная казнь. Те в свою очередь подразделялись на 20 степеней: 10, 20, 30, 40 и 50 ударов лёгкими палками; 60, 70, 80, 90 и 100 ударов тяжёлыми палками; 1, 1.5, 2, 2.5 и 3 года каторжных работ; пожизненная ссылка на 2 тыс. , на 2.5 тыс. и на 3 тыс. *ли*: давление и обезглавливание.

письменный приказ. Совершенно не обязательно было, чтобы этот приказ уже начал осуществляться.

Достаточно того только, чтобы письменному документу был дан ход, – и [виновный] уже подлежит ответственности (*вэньшу шисин цзи цзо* 文書施行即坐). Не обязательно, чтобы [документ уже] был получен в войсках (*дэ бин* 得兵) [Тан лой. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 241]¹⁴.

Армейский начальник, который вместо того, чтобы запросить начальство и дождаться его ответа, сразу подчинился приказу администратора и приказал поднимать вверенные ему части, должен был быть наказан соответственно численности отряжённых им войск на одну степень легче, чем инициатор самоуправства. Таким образом он как бы квалифицировался в качестве соучастника преступления, тогда как его инициатор, согласно обычным принципам танского права, фактически получал статус главаря¹⁵. То есть предельным наказанием для военного в этой ситуации была ссылка на 3 тыс. *ли*, а смертная казнь ему как всего лишь исполнившему приказ начальства не грозила.

Ответственность военного наступала опять-таки с момента отдания приказа. Вовсе не обязательно было, чтобы приказ успел возыметь какое-то действие.

Если же обстановка объективно потребовала срочного применения военной силы, закон разрешал сделать это без одобрения центра, но он же требовал немедленно уведомить центр о происходящем и о предпринятых действиях сразу после того, как эти действия были осуществлены. Если этого не делалось, то есть если тревога была оправданной, отправка войск – необходимой, но центр не был проинформирован об этом хотя бы задним числом, и администратор, и военный командир считались всего лишь на одну степень менее виновными, чем если бы совершили не-

¹⁴ О термине «дан ход» (*шисин* 施行) подробно см.: [Рыбаков, 2018, с. 167–170]. В данных обстоятельствах он означает, скорее всего, то, что приказ был получен военным администратором, для которого он предназначался. Если гражданское и военное руководство не располагались в непосредственной близости одно от другого, то возможно, что, вследствие исключительной опасности военного самоуправства, документ считался в ходу уже с того момента, как был полностью оформлен и отправлен армейскому начальнику.

¹⁵ «Всякий раз, когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь (*шоу* 首). Последовавшим за ним соучастникам (*суйшун чжэ* 隨從者) наказание уменьшается на одну степень» [Тан лой. Ст. 42; Уголовные установления Тан, 1999, с. 237–238].

оправданное самоуправство.

Следовательно, виновному в нарушении порядка служебного информационного обмена администратору наказание уменьшалось на одну степень от полагавшегося бы ему за реальное самоуправство. То есть если им был отдан правомерный приказ о переброске 10 человек – не один год каторги, а 100 ударов тяжёлыми палками, и так далее вплоть до ссылки на 3 тыс. *ли* за отправку на перехват противника 1 тыс. бойцов и более.

Военному начальнику в той же ситуации, если он отрядил войска согласно правомерному приказу, но не сообщил об этом центральному руководству, наказание уменьшалось на одну степень относительно того, что полагалось бы ему за исполнение преступного, неоправданного приказа. То есть при численности отправленных бойцов от 10 до 99 – 90 ударов тяжёлыми палками, и далее вплоть до трех лет каторги при численности в 1 тыс. бойцов и более.

И всё это – лишь за то, что центр не был задним числом поставлен в известность о том, что в силу необходимости пришлось поднять соответствующее количество войск.

Как это часто бывало в танских законах, предусматривались и зеркальные коллизии.

Ведь злокозненность гражданских администраторов и военных начальников могла проявиться не только в несанкционированном применении военной силы или в её применении вразрез с требованиями устава, но и наоборот – в неприменении, когда ситуация этого требовала.

Если вдруг происходило вражеское вторжение или становилась взрывоопасной обстановка внутри страны, тот руководитель оказавшейся в угрожаемом положении административной единицы, кто не отдал немедленно, не дожидаясь никаких распоряжений сверху, приказа о приведении войск в движение, подлежал такому же наказанию, как если бы отдал такой приказ, когда обстановка этого не требовала. А строгость наказания находилась ровно в той же зависимости от численности бойцов, потребных для противодействия возникшей опасности, но не отправленных вовремя. Надо было срочно мобилизовать 10 бойцов для противодействия реально уже появившемуся внешнему или внутреннему врагу, но их не мобилизовали – виновному администратору один год каторги, и так далее вплоть до удушения.

То есть наказания администратору за действие, когда «не надо было посылать, но послал», и за бездействие, когда «надо было послать, но не послал» высчитывались совершенно одинаково.

Определение же виновности военного начальника в ситуации, когда «надо было послать, но не послал», несколько видоизменялось.

Юридическая гипотеза о несанкционированной попытке применения войск исходила из того, что инициатива принадлежит администратору, а военный командир лишь бездумно выполнил приказ. Ситуация, когда администратор был, как говорится, «не при делах», а инициатива принадлежала непосредственно военному начальнику, просто не рассматривалась. Нам трудно судить сейчас, насколько она была вообще вероятна. Надо полагать, что если такое случилось бы и войска попытался поднять непосредственно войсковой офицер, он отвечал бы по всей строгости как главарь, то есть вплоть до удушения (если поднятый «в ружьё» контингент составил бы 1 тыс. бойцов и более), а начальник данной административной единицы оказался бы исключён из цепочки виновных или на крайний случай был бы привлечён лишь по общеслужебной ответственности за недогляд, за плохой контроль.

Однако в ситуации, когда применение военной силы было оправдано, дополнительная опасность заключалась в том, что прохождение своевременно отданного надлежащего приказа могло быть прервано на любом из уровней, в любой из инстанций.

Если в экстренной ситуации гражданский администратор отдал правильный приказ и военный начальник его выполнил, а при том оба затем своевременно отрапортовали о своих действиях наверх, тут и говорить было не о чем, служба шла как надлежало. Если же ситуация потребовала применения военной силы, а начальник административной единицы не отдал надлежащего приказа, то он был виноват так же, как если бы отдал приказ «в ружьё», когда ситуация этого не требовала. Но военный начальник, если администратор не отдал нужного приказа, не мог быть привлечён как соучастник; он ни в чем не соучаствовал, ему вообще нечего было инкриминировать. Собственной положительной инициативой он как бы не обладал. Поэтому он выпадал из рассмотрения.

Однако вероятность отрицательной инициативы за ним признавалась. Ведь могло случиться так, что администратор отдал своевременный приказ, а военный начальник этот приказ не выполнил. Тогда уже администратор ни в чём не был повинен и, соответственно, выпадал из рассмотрения, а вот военный командир считался главарём, виновником срыва необходимых действий. И отвечал как главарь. Если приказ администратора предписывал выделить для срочного противодействия врагу 10 бойцов, а военный начальник этого не сделал, он подлежал наказанию одним годом каторги. Если в приказе, полученном и не вы-

полномочном военным начальником, говорилось о 100 бойцах, этот военный подлежал наказанию полутора годами каторги. И так далее вплоть до удушения, если численность необходимого, вовремя затребованного, но не отправленного контингента достигала или превышала 1 тыс. человек.

В Кодексе об этих коллизиях говорится так:

Если только вдруг возникает возможность броситься на врага и срочно требуется пехота и конница, тот, кто сразу не отправил [войска], или, хотя бы [администратор и] отправил, тот, кто сразу не выделил их, в соответствии с потребным количеством людей в обоих этих случаях наказываются так же, как за самовластное приведение войск в движение. Имеется в виду, что если требовалось 10 бойцов или более, тот, кто сразу их не отправил или сразу не выделил, тот ли, другой ли (29 各) наказываются одним годом каторги. При 100 бойцах тот ли, другой ли наказываются полутора годами каторги. За каждые последующие 100 бойцов наказание увеличивается на одну степень. При 1 тыс. бойцов тот ли, другой ли наказываются удушением. Тот же, кто сразу затем не сообщил наверх, – имеется в виду, что в случаях тревоги или срочной необходимости в военных делах разрешается сначала отправлять и выделять [войска], но и в том и в другом случае сразу затем сообщать наверх. Тот же, кто сразу затем не сообщил наверх, получает наказание соответственно количеству приведённых в движение бойцов с уменьшением на одну степень [Тан люй. Ст. 224; Уголовные установления Тан, 2001, с. 244].

Отчётливо видно, как тщательно и скрупулёзно старались танские законодатели пройти «срединным путём» между объективно оправданной необходимостью ограничить военное самоуправство местных администраторов и командиров, с одной стороны, и с другой – столь же объективно оправданной необходимостью предоставить им максимально возможную инициативу на случаи, когда экстренное применение военной силы действительно требовалось для защиты территории и населения. Подобные задачи сродни квадратуре круга, и успешность их решения зависит, конечно, от проработанности уголовных законов, но не в первую очередь. В конечном счёте именно здесь определяющую роль играют добросовестность и положительная мотивированность членов начальствующей иерархии. Впрочем, как и всегда. Просто когда речь начинает идти о жизнях людей и безопасности страны, это становится особенно наглядно.

Неправомерные реквизиции

Порой для армейских нужд необходимы были некие реквизиции у местного гражданского населения. О том, что за имущество имелось в виду и как именно оно взималось и затем распределялось в войсках, никаких уточнений нет – видимо, для танских должностных лиц это были реалии очевидные, понятные сразу. Указано лишь, что речь идёт именно о реквизициях из частных хозяйств. Казённое имущество – имеется в виду, конечно, в первую очередь вооружение и амуниция – хранилось на складах и распределялось в войсках централизованным порядком, на основании соответствующих регламентов. В частности, если обстановка требовала, его можно было брать со складов и распределять в войсках без уведомления вышестоящей инстанции. В «Синь Тан шу» говорится:

Доспехи и вооружение хранились на казённых складах. При отправке в поход их выдавали тем, кто выступает. Тем, кто заступал в дежурную смену гвардейской стражи (*фань шан сувэй* 番上宿衛), выдавали только лук, стрелы и боевые поясные мечи [Синь Тан шу, 1975, с. 1325].

Да и в Кодексе относительно реквизиций уточняется:

...Это ...относится к предоставлению для армейских надобностей (*цзи цзюньюн* 給軍用) [того, что] исходит из частных [рук] (*цун сы чу* 從私出). ...Если полагается использовать казённые вещи, на это есть обычные внутриведомственные установления (*чанши* 常式). Здесь рассматривается то, что исходит из частных хозяйств (*чу сыцзя* 出私家) [Тан луй. Ст. 225; Уголовные установления Тан, 2001, с. 245]¹⁶.

В принципе можно себе представить, что речь в первую очередь идет о продовольствии, о фураже, о стройматериалах, о каких-то простых припасах, возможно – о рабочей скотине.

На пути неправомерных изъятий у гражданского населения исполненное конфуцианской «заботы о народе» танское право ста-

¹⁶ Упоминание о внутриведомственных установлениях означает, помимо прочего, и то, что в случае неправомерных действий в отношении этого казённого имущества, в ходе которых были нарушены те или иные предписания установлений-*ши* 式, но уголовным правом за такие нарушения карательных мер не предусматривалось, виновным полагалось наказание, предписанное за нарушения *ши* как таковые, т. е. 40 ударов лёгкими палками [Тан луй. Ст. 449; Уголовные установления Тан, 2008, с. 112].

вило куда более серьёзные процедурные преграды, нежели на пути неправомерных раздач военного имущества с казённых складов. Причём, как и применительно к мобилизации, закон предусматривал здесь три возможных варианта развития событий.

Когда возникала необходимость что-либо собрать (*дяофа* 調發) у частных владельцев для армии и затем распределить (*цзуйюй* 給與) реквизированное в войсках, тот, кто отдавал приказ о реквизиции, должен был сначала запросить разрешения центра и дождаться положительного ответа. Если запрос не был отправлен или если положительного ответа на него не дождались, действия администратора признавались самоуправством и подлежали наказанию. Инициатор реквизиции должен был быть наказан одним годом каторги, вне зависимости от объёма реквизиции и стоимости реквизируемых предметов.

Тот военный чиновник, который затем распределил полученное имущество среди личного состава, если он знал о том, что реквизиция была проведена без запроса и разрешения свыше, опять-таки фактически считался как бы сообщником инициатора преступления и должен был быть наказан на одну степень легче, то есть 100 ударами тяжёлыми палками. Относительно ситуации, когда такой служащий не знал бы о незаконности реквизиции, упоминаний нет. Возможно, творцы Кодекса полагали такое положение невозможным – или, скорее наоборот, решение очевидным: тот, кто не знал о незаконности того или иного действия, наказанию, как обычно, не подлежал.

Если обстановка требовала экстренных мер и запросить вышестоящие инстанции не оставалось времени, то можно и даже должно было провести фактическую реквизицию и распределение собранного имущества без заблаговременного уведомления начальства. Вот если этого не делалось, виновных надлежало наказать ровно так же, как если бы экстренной необходимости не было, а они провели реквизицию и распределение самоуправно. То есть и тот администратор, который должен был инициировать реквизицию, но не сделал этого, и тот чиновник, который должен был распределить в войсках уже полученное в результате проведённой реквизиции имущество, но не сделал этого, подлежали наказанию одним годом каторги.

Но даже в чрезвычайной ситуации по завершении разрешённого законом изъятия частного имущества и его распределения в войсках всё же следовало незамедлительно уведомить о проведённом мероприятии вышестоящую инстанцию. Если такого донесения не отправляли, нарушители должны были быть наказаны на одну степень легче, чем за самоуправство. То есть и инициатор

реквизиции, и тот, кто распределял реквизированное среди бойцов, должны были быть наказаны 100 ударами тяжёлыми палками.

Относительно обязанности того, кто распределял имущество, тоже запрашивать или уведомлять вышестоящие инстанции остаётся неясность.

Применительно к переброске войск предписания однозначны – и инициатор её должен был либо сначала, либо хотя бы задним числом уведомить центр, и военный чин, отрядивший войска для акции, должен был сделать то же самое. Однако здесь о наказании чиновника, распределявшего имущество без отправления запроса наверх, говорится лишь применительно к ситуации, когда обстановка была чрезвычайной, реквизиция была проведена без разрешения свыше, но задним числом рапорт не был отправлен.

Относительно ситуации, когда реквизиция проводилась не экстренным порядком, говорится:

Здесь рассматривается то, что исходит из частных хозяйств. Поэтому необходимо сначала сообщить наверх и дожидаться ответа. Нарушивший это наказывается одним годом каторги. Тот, кто распределил, зная, что сначала не сообщили наверх или хотя бы и сообщили, но не дождались ответа (*жо чжи бу сянь янь шан суй янь шан бу дай бао цзи цзюй чжэ* 若知不先言上雖言上不待報即給與者), получает наказание, уменьшенное на одну степень. Должно наказать его 100 ударами тяжёлыми палками [Тан люй. Ст. 225; Уголовные установления Тан, 2001, с. 245].

То есть преступление того, кто распределял, состоит в том, что он сделал это, зная, что его начальник, который отдал приказ о реквизиции, не получил на это разрешения свыше. Самому распределявшему имущество чиновнику такое разрешение получать, судя по этой фразе, было не нужно.

А вот относительно ситуации, когда реквизиция и распределение были проведены экстренно под давлением обстоятельств и, следовательно, правомерно, однако задним числом не был послан рапорт вышестоящему начальству, сказано:

Тот, кто сразу не собрал или сразу не распределил (*бу цзи дяофа цзи бу цзюй чжэ* 不即調發及不給與者), также наказывается одним годом каторги. Тот, кто сразу затем не сообщил наверх, и в том и в другом случаях получает наказание, уменьшенное на одну степень (*бу цзи янь шан чжэ гэ цзянь и дэн* 不即言上者各減一等). ... Если сразу затем не сообщили наверх, и в том и в другом случаях наказание

уменьшается на одну степень. Всех [виновных в этом] должно наказать 100 ударами тяжёлыми палками (*цзюй хэ чжан и бай* 俱合杖一百) [Тан люй. Ст. 225; Уголовные установления Тан, 2001, с. 245–246]¹⁷.

Здесь дело выглядит так, что и инициатор экстренной реквизиции, и тот, кто затем распределял реквизированное среди личного состава, оба должны были задним числом рапортовать наверх о срочно проведённой под давлением непреодолимых обстоятельств акции, причём – каждый в свой черёд: инициатор – после того как реквизиция была проведена, распределяющий – после того как реквизированное было роздано.

При том, что в ситуациях с передвижением войск рапортовать наверх в любом случае должны были оба члена цепочки подчинения, а ситуации с реквизициями выглядят вполне изоморфными ситуациям с мобилизацией, можно предположить, что и распределявший реквизированное чиновник должен был то ли перед раздачей, то ли, если ситуация была чрезвычайной, после неё, уведомлять начальство. Но, с другой стороны, раздача реквизированного имущества в войска по сравнению с перемещением самих войск является столь безобидным мероприятием, что вполне вероятным выглядит и предположение, согласно которому распределяющий чиновник и впрямь обязан был информировать начальство об уже произведённых им действиях только в экстренной ситуации и, значит, только задним числом. А если он распределял реквизированное в ситуации обыденной, то не обязан был перед раздачей имущества уведомлять центр и получать на такую раздачу разрешение. У начальства, вероятно, и без того хватало дел, чтобы каждую раздачу уже реквизированного разрешать отдельно. Поэтому при отсутствии чрезвычайных обстоятельств некая виновность распределяющего возникала лишь если он знал, что разрешение на самое реквизицию не было получено, и тем не менее распределение всё же осуществил. В этом и состояла криминальность его действий, и тут он и впрямь был просто соучастником инициатора, не получившего разрешения начальства на реквизицию.

¹⁷ Возможно, и в этой фразе иероглиф 各 следовало бы тоже перевести не как «и в том и в другом случаях», а для полной ясности как «тот ли, другой ли».

Неправомерная выдача вооружения

Как уже упоминалось, боевое оружие и военное снаряжение хранилось на казённых складах¹⁸. Это же относилось и к оружию церемониальному, которое использовалось либо лишь во время проведения ритуалов, либо постоянно, но в качестве декоративных предметов. Подобные вещи выдавались из хранилищ только в строго определённых обстоятельствах и только тем, кому было предписано в ближайшее время участвовать в боевых действиях либо в осуществлении церемоний. Сама же выдача производилась лишь по предъявлении тем чиновником, кто затребовал тот или иной предмет, разрешающего и удостоверяющего его полномочия документа. Самовольная выдача или выдача без достаточных оснований карались. Это было вполне логично – ни церемониальные предметы, ни, тем более, боевое оружие не должны были попасть в руки тех, кто мог использовать их не по назначению, не в государственных интересах.

За самоуправную выдачу боевого оружия и военного снаряжения (*жунчжан бинци* 戎仗兵器) без получения общественного документа (*фэй дэ гунвэнь* 非得公文) непосредственно ответственные лица (*чжусы* 主司) наказываются двумя годами каторги. Непосредственно ответственные лица – имеются в виду те, кто принимает решение и подписывает [документ] (*панышу* 判署) [Тан люй. Ст. 238; Уголовные установления Тан, 2001, с. 270].

Если затребовавший боевое оружие чиновник предъявил верительный документ и соответствующую составную бирку, но выдающий оружие служащий удовлетворился их наличием и не проверил бирку, то есть не удостоверился, что части бирки при составлении подходят одна к другой, за выдачу боевого оружия его наказывали 100 ударами тяжёлыми палками.

Церемониальное оружие (*ичжан* 儀仗) выдавалось, например, почётному эскорту крупных сановников по случаям радости (скажем, бракосочетания) или горя (скажем, траура), а также, например, алебардистам почётного караула (*чжисци* 執戟), по-сменно дежурящим у ворот дворцов, административных зданий

¹⁸ Выше уже приводилась цитата: «Доспехи и вооружение хранились на казённых складах. При отправке в поход их выдавали тем, кто выступает. Тем, кто заступал в дежурную смену гвардейской стражи, выдавали только лук, стрелы и боевые поясные мечи» [Синь Тан шу, 1975, с. 1325].

или личных апартаментов высокопоставленных лиц.

Его несанкционированное применение не несло в себе таких угроз и опасностей, как несанкционированное применение боевого. Поэтому за его незаконную выдачу наказывали легче. За самоуправство полагалось наказание, уменьшенное на 3 степени относительно самоуправления в отношении оружия боевого. То есть за выдачу церемониального оружия без документа полагалось 100 ударов тяжёлыми палками. За выдачу при наличии документа, но без проверки бирки надлежало наказывать 70 ударами тяжёлыми палками.

Недостачи при мобилизации

Весьма суровые наказания по понятным причинам грозили тем, кто проявил небрежность, невнимательность или халатность – не говоря уж о преднамеренном вредительстве – в ситуации, когда собранная армия готовилась выступить в поход для ведения боевых действий с реальным противником.

Этот момент в жизни войска назван в Кодексе *линъцзюнь чжэнтао* 臨軍征討, что можно понять как «непосредственно перед выступлением в поход». Если в столь ответственное время обнаруживалось, что в живой ли силе, или в вооружении и критически важном оснащении войска есть недостатки и пробелы (вероятно, относительно каких-то документов, в которых было расписано, сколько кого и чего должно быть в экспедиционном корпусе), это называлось «недопоставками при мобилизации» (*фа цзюньсин* 乏軍興) и каралось обезглавливанием. Война – дело серьёзное. Поражение войска и потеря армии были недопустимы, и закон, как умел, на свой лад старался предотвратить катастрофическое завершение столь важного для страны и народа дела. Беспощадное отношение закона к военному разгильдяйству было столь однозначным, что для подобного рода упущений не делалось даже обычного, всегда учитывавшегося различия между умыслом и ошибкой, преступлением преднамеренным и преступлением нечаянным.

Имеется в виду: было что-либо, что [надлежало] изъять/собрать (*ю со дяофа* 有所調發) для армии¹⁹, находящейся непосредственно перед усмирительным походом, но [про-

¹⁹ Ранее [Уголовные установления Тан, 2001, с. 257, примеч. 24] автор транскрибировал бином 調發 как *тяо фа* и переводил как «укомплектовать и снабдить» в значении «мобилизовать и реквизировать». – *Отв. ред.*

изошли] задержка или срыв (*цзифэй* 稽廢). ...Совершивших такое преступление должно наказывать обезглавливанием. Преднамеренно оно было совершено или по ошибке – наказания одинаковы. Поскольку дело это является большим (*вэй ци ши да* 為其事大), хотя бы [преступление и было совершено] по ошибке, наказание не уменьшается. ... Для армии, находящейся непосредственно перед усмирительным походом, [надлежало] изъять/собрать [все потребное, укомплектовать] солдатами, конями (*бинма* 兵馬), а также необходимыми в армии снаряжением, приспособлениями и прочим потребным боевым оснащением, и всё это – к сроку сбора. В урочный день (*кэжи* 克日) [армия должна быть] всем этим пополнена полностью. Если же что-либо отсутствует, это и есть задержка или срыв [Тан люй. Ст. 230; Уголовные постановления Тан, 2001, с. 257].

Понятие «недопоставок» трактовалось танским законом весьма широко. Мало того, что под него попадали не только неодушевлённые предметы, но также и, как явствует из вышеприведённой цитаты, солдаты и кони. Если, например, в какой-то округ или пограничный район был послан специально назначенный посланец (*чунши* 充使) с приказом о сроке выступления армии (которая уже была, видимо, сформирована или находилась в стадии формирования), и посланец опоздал²⁰, что привело к срыву выступления в предписанный приказом момент, это также квалифицировалось как недопоставка и каралось соответственно. Опять-таки вне зависимости от того, преднамеренно гонец задержался или в силу оплошности.

Помимо столь важных для армии вещей, как живая сила и техника, для успешного функционирования ей необходимы тысячи бытовых мелочей. Кодекс называет их *сисяо чжи у* 細小之物 – «мелкими», или, скорее, «незначительными вещами»; вряд ли к мелким можно отнести такие вещи, как палатки или котлы для варки пищи, – а Кодекс их к этому разряду снаряжения однозначно относит. Но сюда же попадали и действительно мелкие предметы, которые полагалось иметь при себе каждому бойцу или, по крайней мере, в каждом отделении (*хо* 火). Тут были и точильные камни, и иголки, и одежда с обувью, и покрывала и подстилки – разнообразная и практически неисчислимая бытовая подкладка войны. Но и её всякий приличный командир обязан был исчислить. Если непосредственно перед выступлением недостачи обнаружи-

²⁰ Опоздание считалось относительно нормативных сроков передвижения – соответственно «времени, отведённому на путь» (*чэн* 程).

вались среди подобного рода вещей, за каждый отсутствующий обязательный предмет ответственный командир или администратор подлежал наказанию 100 ударами тяжёлыми палками.

Если же подобные оплошности выявлялись на более ранних стадиях, когда ещё не поздно было затребовать пополнение и включить его в состав армии и её припасов, подобной строгости закон не знал. При недочетах в сфере важных вещей виновника следовало наказывать, по всей видимости, по статье о задержках общественных дел, которым полагалось дать ход²¹; правда, относительно подобной ситуации в самой статье о недопоставках нет ни упоминаний, ни, тем более, прямых указаний. Если же в этот период выявлялись недочеты незначительных предметов, это считалось нарушением внутриведомственного установления (того самого, которое предписывало данные предметы в армии иметь в предписанном количестве), а это каралось всего лишь 40 ударами лёгкими палками [Тан люй. Ст. 449; Уголовные установления Тан, 2008, с. 112].

Набор в армию

Танское государство старалось в меру возможности и разумения облегчить населению тяготы призыва на военную службу. Относительно набора в действующие войска существовали правила, аналогичные тем, какими регулировался набор на общественные работы и отработку повинностей в пользу местной администрации, например для персонального обслуживания местного чиновного персонала:

Согласно общеобязательным установлениям, всегда при обложении *чайкэ*²² к ним привлекают сначала из богатых и

²¹ «Всякий, кто задержал общественное дело, которому полагалось дать ход, ...за один день наказывается 30 ударами лёгкими палками. За [каждые последующие] три дня наказание увеличивается на одну степень. По превышении 100 ударов тяжёлыми палками за [каждые последующие] 10 дней на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается полутора годами каторги» [Тан люй. Ст. 132; Уголовные установления Тан, 2001, с. 78]. См. также: [Рыбаков, 2018, с. 367].

²² Повинности *чайкэ* 差科 (можно понять этот термин как «назначаемая повинность» или «повинность для поручений») подразделялись на несколько групп, к каждой из которых могли привлекаться только лица определённых социальных категорий. Например, лично свободные простолюдины – как правило, несовершеннолетние – могли выборочно привлекаться в качестве услуги местных чиновников. Местных жителей могли назначать для несения охранной службы административных

сильных, потом из бедных и слабых, сначала из тех, где совершеннолетних тяглых много, потом из тех, где совершеннолетних тяглых мало [Ниидэ Нобору, 1964, с. 690; Тан люй. Ст. 173; Уголовные установления Тан, 2001, с. 151; Рыбаков, 2018, с. 338].

В статье Кодекса, специально посвящённой набору на военную службу, об этом мероприятии говорится почти в тех же выражениях:

Несправедливо (*бу пин* 不平) – имеются в виду [ситуации] такого рода, когда оставляют богатых, а забирают бедных, оставляют сильных, а забирают слабых, оставляют там, где совершеннолетних [тяглых] много, а забирают там, где совершеннолетних [тяглых] мало. ... По закону о наборе (*цзяньдянь чжи фа* 揀點之法) если имущества равны, забирают [более] сильных; если силы равны, забирают [более] богатых; если и имущества, и силы равны, сначала забирают там, где совершеннолетних [тяглых] много [Тан люй. Ст. 227; Уголовные установления Тан, 2001, с. 250].

Кстати сказать, из одной первой фразы видно, что вполне закономерным и даже общечеловеческим образом тогдашние представления о справедливости являли собой, на самом деле, сложную систему несправедливостей, выравнивающих неизбежно несправедливую реальность. Фактически это ведь и с любыми представлениями о справедливости так. И в древности, и теперь. Строго говоря, выражение *бу пин* следовало бы переводить как «не беспристрастно», «не на равных основаниях». Но именно действия на равных основаниях были бы в наибольшей степени несправедливы, поскольку усугубляли бы или, по крайней мере, шли бы на поводу у объективно существующего неравенства, не принимая его в расчёт. Если бы в армию призывали на равных основаниях сильных и слабых, богатых и бедных, тех, без кого в семье можно обойтись, и тех, без кого в семье обойтись практически невозможно, тогда государство явным образом утратило бы свою великую функцию верховного поравнителя, горнего искусственного амортизатора естественно возникающих неравномерностей, перекосов и напряжений, обязанного в первую очередь заботиться о тех, кому худо. В несправедливом мире именно

учреждения округов, у городских стен, для надзора за оросительными каналами или выполнения вспомогательных функций при местных военных канцеляриях и пр.

беспристрастие оказалось бы несправедливым. А вот справедливое *пин* являлось подходом далеко не на равных, не беспристрастным, ибо шло – разумеется, в рамках представлений о справедливости, выпестованных культурой, – наперекор несправедливостям жизни и тем самым оправдывало существование верховной власти, придавало ей единственно убедительную легитимность. Заботиться о народе значит следовать принципу «кому много дано – с того много спрошено», и справедливее этого человечество, похоже, ничего не придумало и по сей день. Справедливое государство относится к своим подопечным не равным образом, а выравнивающим. Есть разница.

Как это нередко бывает и в иных случаях, о процедуре набора в войска уголовный закон ненароком сообщает такие подробности, каких не отыщешь в чисто описательных текстах.

Судя по предписаниям статьи Кодекса, посвящённой нарушениям нормативов призыва, он мог осуществляться, во-первых, среди тех, кто не значился в армейских приписных документах, не имел, как говорится в тексте, «военного имени» (*цзюньмин* 軍名), то есть не состоял в территориальном ополчении (*чжэчунфу* 折衝府) (буквально это название можно понять как «врагоотпорная» или «атакоотбойная» дружина), и во-вторых, среди тех, кто к территориальным дружинам был приписан (имел «военное имя»). Первых, видимо, отбирали непосредственно в момент призыва, вторых надлежало призывать на реальную службу согласно приписным документам. Из текста следует, что даже в гвардию могли набирать как тех, кто уже числился в списках соответствующей территориальной дружины ополчения, так и обычных простолюдинов, не имеющих «военного имени». Кроме того, именно из последних в основном набирались бойцы для военных экспедиций, воины-призывники (*чжэнжэнь* 征人). Они, в отличие от гвардейцев, не служили посменно и не несли дежурств в столице, а составляли основную живую силу походных армий, которые набирались для выполнения определённой задачи и распускались, когда задача была выполнена или её исполнение оказалось невозможным. Говоря о наборе на службу, Кодекс имеет в виду в равной степени призыв в гвардию и призыв в экспедиционную армию.

Из пояснения к статье Кодекса о побегах военнообязанных можно с некоторой долей вероятности предположить, что в приписном свидетельстве могла быть зафиксирована и военная специализация. Кодекс скупо сообщает:

Если бежал тот, чьё имя [внесено в] армейские [списки] (*жо ю цзюньмин эр ван* 若有軍名而亡) – имеются в виду [служащие] такого рода, как гвардейцы, конюшие, возничие и ведающие обмундированием (*вэй вэйши чжан сянь цзя ши муши чжи лэй* 謂衛士掌閑駕士募士之類). Они поимённо приписаны к армиям и дружинам ополчения (*мин шу цзюнь фу* 名屬軍府), так что в целом они являются имеющими «военное имя» [Тан люй. Ст. 461; Уголовные установления Тан, 2008, с. 140–141]²³.

Если воинский призыв осуществлялся среди не приписанных к территориальным дружинам ополчения простолюдинов, в гвардию или в походную армию – всё равно, за нарушение справедливости, то есть нарушение правила «если имущества равны, забирают более сильных; если силы равны, забирают более богатых; если и имущества, и силы равны, сначала забирают там, где совершеннолетних тяглых много», полагалось уголовное наказание. Ответственность возлагалась, надо полагать, на конкретного чиновника, который осуществлял набор.

Тяжесть наказания, как это часто бывало, определялась количеством людей, которые оказались жертвами государственной несправедливости. За одного несправедливо призванного на службу не имеющего «военного имени» простолюдина полагалось 70 ударов тяжёлыми палками, а затем с каждым тремя несправедливо призванными наказание увеличивалось на одну степень. Максимальным было наказание тремя годами каторги. Нетрудно посчитать, что ограничение роста тяжести кары наступало при 25 несправедливо призванных. Дальнейшее увеличение их числа уже не приводило к увеличению тяжести наказания.

Последующие предписания данной статьи Кодекса не столь ясны.

Если военная приписка ранее была определена, но назначили несправедливо (*цзюньмин сянь дин эр чайцянь бу пин* 軍名先定而差遣不平), [виновный получает] наказание, уменьшенное на две степени. Если тот, кого полагалось

²³ Настоящий перевод данного фрагмента несколько изменён по сравнению с изданием 2008 года. О более позднем относительно времени составления Кодекса значении термина *муши* см.: [Рыбаков, 2009, с. 360]. Дело в том, что так назывались как служащие Высшей службы покоев (*шаншэцзюй* 尚舍局) – и применительно к этому месту их работы я в своё время перевёл название их должности как «драпировщики» [Рыбаков, 2009, с. 271], – так и солдаты, завербованные непосредственно для данного похода, возможно, даже наёмные.

назначить командиром, был назначен рядовым гвардейцем (*ин чай чжушуй эр чай вэйши* 應差主帥而差衛士), [виновный получает] наказание, увеличенное на одну степень. ... Военная приписка ранее была определена – имеется в виду, что, если те, кто подлежит набору в гвардию, в соответствующее время были назначены несправедливо (*вэйши чжи ту линьши чайцянь бу тин чжэ* 衛士之徒臨時差遣不平者), [виновный получает] наказание, уменьшенное на две степени. За одного человека – 50 ударов лёгкими палками. За [каждых последующих] трех человек наказание увеличивается на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается двумя годами каторги. Если же полагалось назначить товарищем взводного (*ин чай дуйфу* 應差隊副) или выше, а был назначен [рядовым] гвардейцем (*чай вэйши* 差衛士), [виновный получает] наказание, увеличенное на одну степень. За одного человека – 60 ударов тяжёлыми палками. За [каждых последующих] трех человек наказание увеличивается на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается двумя с половиной годами каторги [Тан люй. Ст. 227; Уголовные установления Тан, 2001, с. 250–251].

Строго говоря, предписание о несправедливости назначений тех, кто уже ранее получил некое «военное имя», можно понять по меньшей мере двояко.

Либо в своё время кого-то уже внесли в армейские списки с нарушением правила «если имущества равны, забирают более сильных...» и так далее, а во время реального воинского призыва такого человека просто-просто призвали на реальную службу, следуя списку, то есть несправедливо, но всё же в соответствии с ранее составленным документом. Поэтому наказание было легче, чем за явную, в данный момент осуществляемую несправедливость – призыв с нарушением правила «если имущества равны, забирают более сильных».

Либо следует понимать это так, что кого-то призвали на военную службу с нарушением означенной в приписном свидетельстве специализации и лишь в этом-то и состояла несправедливость. Поэтому, опять-таки, наказание уменьшалось по сравнению с явным нарушением правила «если имущества равны, забирают более сильных». Ведь здесь на службу призывали того, кого следовало, но всего лишь не по военной специальности.

В пользу второго предположения говорит то, что в ряд с данной несправедливостью сразу была затем поставлена и несколько иная, более недопустимая, но всё же менее злостная, чем полное

нарушение правила «если имущества равны, забирают более сильных», – а именно назначение не просто вразрез со специализацией, но даже вразрез с обозначенными в «военном имени» должностью и чином. Если того, кто в приписном свидетельстве был означен как член комсостава начиная с самого низкого уровня²⁴ и выше, на реальную службу призвали в качестве рядового, наказание за такую несправедливость со стороны руководящего призывом начальника было на одну степень тяжелее, чем за назначение вразрез с ранее сделанной военной припиской, но всё равно на одну степень легче, чем за призыв с нарушением правила «если имущества равны, забирают более сильных».

Можно, конечно, и не усложнять. Можно представить себе, что приписные свидетельства составлялись поначалу вообще как без учёта фактора справедливости («сначала сильных, потом слабых»), так и без учёта военной специализации (однако всё же с фиксацией рядового или начальствующего состояния данного военнообязанного), а уж в момент реального призыва проводящий набор чиновник обязан был из тех, кто имел «военное имя», осмысленно избирать лишь подпадающих под требования справедливости. Ну и, конечно, не назначать потенциальных офицеров в рядовые.

Наиболее строго наказывали за призыв на военную службу тех, кто не имел «военного имени», с недобором или перебором (*цянъшэн* 欠剩) относительно призывных документов. Это и понятно: в данном случае речь шла уже не о нарушении справедливости в отношении индивидуума и не об отступлении от буквы документа, но о том, что либо армия не получит требуемого количества новобранцев, либо, наоборот, от производительного труда, питающего страну, будет оторвано слишком много рабочих рук.

Если речь шла о не имеющих «военного имени» новобранцах, за призыв лишних бойцов, равно как за непризыв тех, кого призвать в данный момент было должно, виновный чиновник в зависимости от числа людей, которых он незаконно не призвал или, наоборот, незаконно призвал, должен был быть наказан на одну степень тяжелее, чем за нарушение справедливости в отношении индивидуального призыва. То есть за одного лишнего либо недо-

²⁴ Конкретно упомянут *дуйфу*. Полная форма названия этой должности – *фу дуйчжэн* 副隊正, т. е. товарищ взводного исправника; этой должности соответствовал низший из возможных чиновничий ранг – сопровождающий 9-й низший.

стающего призванного виновному полагалось 80 ударов тяжёлыми палками. Затем наказание увеличивалось в зависимости от численных показателей так же, как и в базовой ситуации: за каждых последующих трёх человек – на одну степень. И ограничение роста наказания наступало, когда количество излишних или недостающих новобранцев достигало 25 человек, – за это полагалась ссылка на 2 тыс. *ли*. Дальше наказание уже не увеличивалось.

За призыв с недобором или перебором в отношении имеющих «военное имя» наказание также увеличивалось на одну степень, но уже относительно того, что полагалось за нарушение справедливости в их, имеющих «военное имя», отношении: за одного человека – 60 ударов, за 25 человек и более – два с половиной года каторги.

Если с перебором или недобором были призваны те, кто согласно приписным свидетельствам принадлежал к комсоставу, наказание увеличивалось на одну степень относительно недобора или перебора имеющих «военное имя» рядовых: от 70 ударов тяжёлыми палками за одного человека до трех лет каторги за 25 человек и более.

Подмена новобранцев

Понятно, что закон могли преступать не только те, кто осуществляет воинский призыв. По крайней мере не менее вероятные и уж всяко более разнообразные нарушения закона ожидались со стороны тех, кого призывают. Танские законодатели вполне отдавали себе отчёт в том, что стремление избежать набора в войска и остаться в привычной обстановке, в кругу семьи, при своих обыденных мирных и производительных занятиях способно подвигнуть простых подданных империи на самые различные ухищрения.

Самым тривиальным и действенным способом увильнуть от армейских тягот, судя по Кодексу, считалась подмена. Тот, кого призывали в поход или кто уже оказался в рядах вооружённых сил, очевидно, мог найти человека, который по тем или иным причинам согласился бы принять его имя и пойти служить вместо него, а сам призывник остался бы дома. О мотивах того, кто согласился бы на такую подмену и взялся за ратный труд, по закону отнюдь не будучи обязанным это сделать, не говорится ничего. Было ли это действие продиктовано дружеским расположением или желанием спешно покинуть родные края, было ли оно бескорыстным или дезертир посулил своему подменщику или его семье деньги, на тяжесть наказания за такую подмену не влияло. То, что среди факторов, влияющих на степень виновности, ни

единым словом не упоминается, например, величина присвоения, полученного подменщиком, косвенно свидетельствует о том, что корыстные мотивы танские законодатели в данном случае не считали преобладающими и уж тем более единственными.

Очевидно, даже для воинов-призывников (*чжэньжэнь* 征人), набираемых для экспедиционной армии, существовали какие-то заранее составленные списки, и в случаях когда такая армия реально формировалась, призыв осуществлялся именно на их основе. Если во время набора новобранцев для походной армии какой-либо воин-призывник ухитрялся каким-то образом подмениться другим человеком и тот, назвавшись именем призываемого, шёл служить вместо него, оба считались совершившими групповое преступление. Инициатор подмены (им, надо полагать, являлся, как правило, тот, кого должны были призвать) считался главарём, а тот, кто согласился на подмену, – его сообщником. Главаря в этом случае наказывали двумя годами каторги, а сообщника, как всегда, на одну степень легче, то есть полутора годами каторги [Тан люй. Ст. 228; Уголовные установления Тан, 2001, с. 252]²⁵.

Подменить друг друга в этой ситуации могли не только посторонние друг другу люди или даже не только добрые соседи, но и более или менее близкие родственники. Таким образом, косвенно на один мотив подменщика Кодекс всё же указывает – это был мотив родственного долга. Так мог поступить, например, неженатый младший брат, пожелавший или согласившийся взять на себя тяготы и риски, что готовы были обрушиться на старшего, женатого. Этот мотив, судя по смягчению наказания, танские законодатели в какой-то степени даже уважали. Если подменяемый и подменяющий являлись живущими вместе родственниками (*тунцзюй циньшу* 同居親屬)²⁶, наказание за подмену уменьшалось на две степени. Соответственно, главарь получал один год каторги, его сообщник – 100 ударов тяжёлыми палками.

²⁵ Не могу не покаяться в том, что в своё время в данном месте перевода этой статьи я допустил досадную неточность. У меня ошибочно указано, что сообщника наказывали лишь одним годом каторги.

²⁶ В Кодексе, ещё в первом его разделе, посвящённом общим принципам применения наказаний, термину *тунцзюй* дано следующее определение: «Живущие вместе – имеется в виду, что [пользуются] одним и тем же имуществом и живут совместно (*тунцзюй вэй тунцай гуницзюй* 同居謂同財共居)» [Тан люй. Ст. 46; Уголовные установления Тан, 1999, с. 260]. В данной статье это определение для ясности повторено.

Контролировать правильность и справедливость набора, его соответствие приписным документам вменялось в обязанность должностным лицам во всех звеньях административной цепочки подчинения, начиная от сельских исправников (*личжэн* 里正) до уездных и окружных официальных властей. Именно на сельских исправников, то есть ещё не кадровых чиновников, но уже и не рядовых простолюдинов, а людей, изо дня в день живущих бок о бок со своими подопечными и в то же время ответственных за них, государство возлагало первичные обязанности по соблюдению порядка и законности среди широких масс населения. Официальные же лица уезда и, в свою очередь, округа вели документацию и осуществляли верховный надзор, в частности следили, чтобы документы не расходились с делом.

Поэтому подмена призывников могла реально осуществиться, в общем-то, лишь при попустительстве или вопиющем недосмотре со стороны *личжэнов*, а затем – и контролирующих их государственных органов. И, конечно, на такой случай закон предусматривал для всех членов цепочки подчинения меры, соответствующие степени их виновности – так, как её тогда понимали. Непорядок внизу не мог не являться следствием недосмотра наверху, и те, кто на этом верху пребывал, не могли в таком случае не считаться виноватыми.

Если среди подконтрольного данному сельскому исправнику населения какой-либо призывник во время призыва подменился другим человеком, всё равно, родственником или посторонним, этот *личжэн*, не заметивший подмены и не предотвративший её, подлежал наказанию 50 ударами лёгкими палками. Если среди подведомственных сумели подмениться двое, наказание исправника увеличивалось на одну степень, до 60 ударов тяжёлыми палками, и далее с каждым следующим подменившимся призывником оно возрастало ещё на одну степень. Предельным наказанием были два года каторги.

...Имеется в виду, что в подведомственной сельскому исправнику сфере имелся воин-призывник, совершивший [с кем-либо] взаимоподмену под прикрытием именами [один другого], а сельский исправник этого не заметил. При одном человеке сельский исправник наказывается 50 ударами лёгкими палками. За [каждого последующего] одного человека наказание увеличивается на одну степень. При девяти человеках наказание – два года каторги [Тан люй. Ст. 228; Уголовные установления Тан, 2001, с. 253].

На уездном уровне государственный чиновник, ответственный за соответствие реальных мероприятий предписаниям документации, за подмену одного воина-призывника кем-то посторонним, родственником или нет – всё равно, должен был быть наказан 30 ударами лёгкими палками. Если подмен было больше одной, наказание такому чиновнику увеличивалось на одну степень с каждым последующим увеличением числа не замеченных и не пресечённых подмен на две. То есть за три не замеченные подмены – 40 ударов лёгкими палками и так далее; при 15 подменившихся наказание достигало 100 ударов тяжёлыми палками, а при 21 рост наказания достигал предела – двух лет каторги, и далее наказание уже не могло быть увеличено, сколько бы подмен реально ни произошло.

Карам подвергался весь аппарат уезда. Вступали в действие нормы общеслужебной ответственности (*ляньцзо* 連坐)²⁷. Поскольку нарушение не выглядело следствием тотальной дезорганизации данного уезда и падения общей эффективности его администрации, а являлось лишь результатом конкретного недосмотра, главарём тут считался не начальник, а, наоборот, низовой служащий, ответственный за документацию и сверку её с жизнью, конторщик *дянь* 典. Дальше, как того и требовали нормы *ляньцзо*, ответственность распространялась вверх согласно уровням служебного соучастия, уменьшаясь с каждым переходом на одну степень. Уездный пристав (*вэй* 尉) подлежал наказанию, уменьшенному на одну степень относительно наказания конторщика; если конторщик был виновен в десяти недосмотрах, то и пристав – тоже в десяти. Помощники (*чэн* 丞) начальника уезда являлись соучастниками третьего уровня, им наказание уменьшалось на одну степень по сравнению с приставом. Сам начальник (*лин* 令) являлся соучастником четвёртого уровня. Таковыми же рассматривались не входившие в прямую субординативную цепочку уездной администрации регистраторы (*чжубу* 主簿) и секретари (*луши* 錄事). Всем им, то есть начальнику, регистраторам и секретарям, полагалось наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с *чэнами*²⁸.

На окружном уровне наказания определялись посредством обычной для таких коллизий методики общего расчёта (*тунци* 通計), то есть подсчитывалось общее количество подмен по окру-

²⁷ Подробно о *ляньцзо* см.: [Рыбаков, 2013, с. 180].

²⁸ О составе уездной и окружной администрации см.: [Рыбаков, 2009, с. 459, 465].

гу, соответственно числу управляемых данным округом уездов вычислялось среднее арифметическое, и в зависимости от результата окружная администрация отвечала по нормам, предусмотренным для уезда. То есть если среднее арифметическое равнялось единице, то окружного конторщика наказывали так же, как уездного конторщика за одну не выявленную им подмену, – 30 ударами лёгкими палками (и так далее).

...Если подчинены два уезда, то при совершивших прикрытие [чужими] именами двух человеках окружной конторщик наказывается 30 ударами лёгкими палками, а за [каждых последующих] четырех человек наказание увеличивается на одну степень; если подчинены три уезда, то при совершивших прикрытие [чужими] именами трех человеках окружной конторщик наказывается 30 ударами лёгкими палками, а за [каждых последующих] шесть человек наказание увеличивается на одну степень [Тан люй. Ст. 228; Уголовные установления Тан, 2001, с. 253].

В округе ответственность также переходила вверх по уровням служебного соучастия. Уровнем выше конторщиков были сотрудники в делах (*цаньцзюньши* 參軍事)²⁹, уровнем выше сотрудников в делах – непосредственно подчинённые начальнику округа чины: ближний сопровождающий (*бецзя* 別駕), главный администратор (*чжанши* 長史) и помощник, ведающий важными делами (*сыма* 司馬). На последнем уровне находился сам начальник округа (*цзши* 刺史).

Для всех них сохранялось ограничение роста наказания двумя годами каторги.

Однако если кто-либо из членов цепочки подчинения, начиная с сельского исправника и до начальника округа включительно, попустительствовал подменам сознательно, то есть знал о творящемся нарушении и не пресёк его, он должен был быть наказан так же, как сам инициатор подмены. То есть уже за одно нарушение – те самые два года каторги, что и были, надо заметить, предельным наказанием для любых администраторов, не

²⁹ Надо полагать, в цепочку виновных входил только соучастник по делам того отдела, который ведал набором. Соучастники по делам зернохранилищ или, например, по делам земельных угодий тут явно оказывались ни при чем. В статье сказано лаконично: «Администратор [соответствующего] отдела и [служащие] более высоких уровней наказываются так же, как в уезде» (*паньсы и шан цзецзи жу сянь цзуй* 判司以上節級皆如縣罪). О том, какой именно из отделов ведал набором – подворный (*сыху* 司戶) или, скажем, личного состава (*сыбин* 司兵), не сказано ничего.

знавших о нарушениях и просто просмотревших их по халатности. Правда, если подменились родственники, которым при взаимоподмене полагалось уменьшение наказания, формулировка «получают то же самое наказание» (*юй тун цзуй* 與同罪) подразумевала, вероятно, что попустительствовавшему этой подмене чиновнику наказание тоже должно было быть соответственным образом уменьшено.

Могло случиться и так, что какой-либо боец, уже прошедший призыв и попавший на реальную службу в гвардии, сторожевом гарнизоне или походной армии, ухитрился по месту службы подмениться каким-либо местным человеком и тот согласился продолжить службу под именем подменённого им нерадивого воина.

Вообще говоря, за побег военнослужащих с места службы закон предусматривал наказания в зависимости от длительности невозбранного пребывания в бегах, и наказания эти могли оказываться куда более суровыми, чем за подмену. Например, служащие погранзастав или гарнизонов за побег со службы длительностью в один день подлежали наказанию 80 ударами тяжёлыми палками, а за 31 и более дней в бегах – ссылкой на 3 тыс. *ли* [Тан луй. Ст. 458; Уголовные установления Тан, 2008, с. 134]³⁰. Ещё более суровые кары закон сулил беглецам из экспедиционных армий. Поэтому, надо полагать, в данном случае речь не идёт о подмене, следствием которой явилось однозначное, бескомпромиссное дезертирство. Или, возможно, подразумевается, что побег со службы не оказался настолько длительным (дезертир после самоволки, во время которой его кто-то подменил, вернулся сам или был пойман раньше), чтобы наказание по статье о побеге оказалось суровее полагающегося за подмену.

Во всяком случае, если подмена происходила в армии (*цзай цзюнь маомин* 在軍冒名), наказания подменившему и подменённому полагались такие же, как за подмену во время призыва: два года каторги главарю и полтора года каторги сообщнику. О родственной подмене тут речи не шло: вряд ли воин в армии или в гарнизоне сумел бы отыскать в чужих краях младшего брата или ещё какого-то родственника, с кем жил бы совместно и пользовался одним и тем же имуществом.

В роли контролирующего списочный состав сельских исправников, а также уездных и окружных чиновников выступали тут занимавшие сопоставимые посты командиры. Непосредственно

³⁰ Подробно о побеге см.: [Уголовные установления Тан, 2008, с. 296; Рыбаков, 2018, с. 68].

рядовым личным составом ведали взводные исправники (*дуй-чжэн* 隊正) и их товарищи (*дуйфу* 隊副). Если они не заметили, что во вверенном им подразделении некий посторонний человек занял место бойца и выступает под его именем, их наказывали так же, как за невыявленную подмену призывника наказывали *личжэна*: за одного человека – 50 ударов лёгкими палками, за каждого последующего – на одну степень тяжелее. Увеличение наказания опять-таки ограничивалось двумя годами каторги (за девять невыявленных подмен и более).

Применительно к командирам более высоких уровней методика определения наказаний несколько модифицировалась, но, в общем, не принципиально.

Согласно общеобязательным установлениям об армии и пограничной страже, каждому ротному предводителю (*люй-шуй* 旅帥) подчинены два взводных исправника, а каждому начальствующему приставу (*сяовэй* 校尉) – два ротных предводителя (*люйшуй* 旅帥). Поскольку они осуществляют надзор не лично, и тем и другим наказания уменьшаются на одну степень относительно взводных исправников. Имеется в виду, что при одном человеке, который прикрылся [чужим] именем, наказание – 40 ударов лёгкими палками. За [каждого последующего] одного человека наказание увеличивается на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается полутора годами каторги [Тан люй. Ст. 228; Уголовные установления Тан, 2001, с. 254].

То есть на первых двух более высоких, нежели взводный, уровнях командиры получали одинаковые наказания, без уменьшения при переходе от одного уровня к другому. И *люйшуйам*, и *сяовэйам* за одну совершившуюся в подконтрольной им воинской части и не выявленную ими подмену грозило равным образом 40 ударов лёгкими палками.

Аналогами округов и окружного начальства здесь служили территориальные дружины ополчения и их комсостав. Соответственно числу подчинённых дружине возглавляемых начальствующими приставами (*сяовэй* 校尉) полков (*туань* 團) проводился общий расчёт.

Каждой дружине подчинены в некоторых местах пять начальствующих приставов, есть также такие, которым подчинены четыре или три начальствующих пристава. ...Где подчинены три начальствующих пристава – при трех человеках, прикрывшихся [чужими] именами; где подчинены четыре началь-

ствующих пристава – при четырех человеках, прикрывшихся [чужими] именами; где подчинены пять начальствующих приставов – при пяти человеках, прикрывшихся [чужими] именами, наказания – 40 ударов лёгкими палками. Если не было этого полного числа [подмен], ответственность не возлагается [Тан луй. Ст. 228; Уголовные установления Тан, 2001, с. 254–255].

Главными преступниками в дружинах, как и в гражданских административных единицах, считались конторщики. Именно им грозило наказание 40 ударами лёгкими палками в ситуациях, «где подчинены три начальствующих пристава – при трех человеках, прикрывшихся [чужими] именами, где подчинены четыре начальствующих пристава – при четырех человеках, прикрывшихся [чужими] именами, где подчинены пять начальствующих приставов – при пяти человеках, прикрывшихся [чужими] именами», – и, соответственно, более тяжкие, если среднее арифметическое по составлявшим дружину полкам превышало упомянутые в цитате величины, вплоть до полутора лет каторги.

На более высоких уровнях служебного соучастия наказания, как обычно, уменьшались на одну степень с каждым переходом от низшего уровня к высшему. Сотрудник по делам отдела личного состава (*бинцао цаньцзюньши* 兵曹參軍事) получал наказание, на одну степень более лёгкое, чем то, какое при данном количестве подмен полагалось конторщику. Высший комсостав дружины, то есть непреклонно-смелые общеназначенные пристава (*гои дувэй* 果毅都尉), они же, сокращённо, непреклонные смельчаки (*гои* 果毅), равно как и главный администратор (*чжанши* 長史), должны были быть наказаны на одну степень легче сотрудника по делам личного состава. Наконец, глава дружины, общеназначенный пристав, отбивающий [вражьи] нападения (*чжэчун дувэй* 折衝都尉), получал наказание, уменьшенное на одну степень относительно своих старших офицеров.

О сознательном попустительстве применительно к армейскому командованию ничего не сказано, но, надо полагать, и относительно него действовало общее правило: тот из начальства, кто знал о нарушении и не воспрепятствовал ему, получал такое же наказание, как и сам нарушитель.

Уклонение от набора

Стремление в ответственный момент, не просто перед призывом на службу, но перед самым открытием реальных военных действий, уклониться от призыва, видимо, было свойственно и мирным китайцам танских времён. А судя по строгости мер,

предусмотренных за уклонение от призыва, танские законодатели, во-первых, полагали такое поведение совершенно недопустимым, абсолютно не соответствующим долгу подданного, а во-вторых, увы, весьма вероятным.

Текст Кодекса в связи с разъяснением, что именно надлежит считать подобными действиями, в очередной раз приобретает характер большой литературы, описывающей маленького человека.

Хитрость и обман столики (*цяочжа байдуань* 巧詐百端). [Призывники] либо ложно доносят о преступлении, совершённом [каким-либо] человеком, с тем чтобы потребовалось [оставить их по месту жительства для проведения] следствия и допросов (*цю туй дуи* 求推對), либо преднамеренно совершают лёгкие преступления, рассчитывая, что их нельзя будет перемещать в другие места (*и цзай люлянь* 意在留連), либо преднамеренно сами наносят себе телесные повреждения или увечья (*шанцань* 傷殘), либо обманом сказываются больными и недужными (*чжа вэй цзихуань* 詐為疾患). Злонамеренные обманы (*цзяньчжа* 姦詐) не сводимы к [чему-либо] одному, поэтому сказано: хитрость и обман столики. Их нельзя заблаговременно полностью предусмотреть [Тан люй. Ст. 236; Уголовные постановления Тан, 2001, с. 267–268].

Все эти действия, однако, приобретали злостно криминальный характер только ввиду перспективы действительно отправиться на войну. О том, что подобные манёвры могли совершаться военнообязанными перед заступлением, например, в составе своей смены на гвардейское дежурство в столице, в законах ничего не говорится. Первичным условием применения статьи об уклонении от призыва было объявление набора в действующую армию, которой предстояло выступить против неприятеля. По данной статье следовало наказывать только когда возникала ситуация *линцзюнь чжэнтао* 臨軍征討, то есть «непосредственно перед выступлением в поход», в качестве уточнения к которой сказано *линьдуй коуцзэй* 臨對寇賊, то есть «когда вот-вот произойдёт соприкосновение с противником».

К попытке вообще «закосить» от армии приравнивались попытки прикинуться менее умелым бойцом, чем данный призывник на самом деле являлся. Непосредственно после поступления в ведение армейского командования каждый призванный на реальную службу новобранец проходил боевые испытания, где должен был продемонстрировать свои боевые навыки и способности. В зависимости от результатов испытания новобранцев

распределяли по видам войск. Например, в «Новой истории Тан» (新唐書 «Синь Тан шу») говорится, что тех, кто показал хорошие способности к верховой езде и стрельбе из лука, зачисляли в отборную конницу, состоявшую из конных лучников, а остальных – в пехотинцы, в конники, в копейщики, в пешие лучники [Синь Тан шу, 1975, с. 1325]. Тот, кто нарочно, сознательно скрыл свои умения – в Кодексе такая уловка определяется как «тот, кто на испытаниях мог сделать и не сделал» (*ю цзяоши и нэн вэй бу нэн* 有校試以能為不能)³¹, а при разъяснении этого положения добавлено ещё и *гу* 故, то есть «преднамеренно», тот подлежал наказанию наравне с любым, кто постарался хитростью или обманом вообще избежать призыва.

Строгость наказаний за подобные проступки зависела от тяжести последствий, ими вызванных. К сожалению, суть этих последствий описана в Кодексе довольно расплывчато. Возможно, у законодателей просто не было иного выхода – слишком разнообразными, не сводимыми к какой-то чётко определённой категории могли оказаться ситуации, которые им следовало охарактеризовать самым обобщённым образом. Подгонять под указанную рубрику реальные перипетии подготовки к войне оставлялось на волю и совесть конкретных следователей и судей.

Тяжкие последствия Кодекс описывает так:

Если... в армии произошли [какие-либо] задержки либо это привело к утратам, нехваткам и срыву [какого-либо] дела (*юй цзюнь ю со цзивэй цзи чжи цюэфа фэйши* 於軍有所稽違及致闕乏廢事)... [Тан люй. Ст. 236; Уголовные установления Тан, 2001, с. 268].

В столь трагических обстоятельствах уклонение от призыва или сокрытие боевых умений надлежало наказывать по статье о недопоставках в армию, то есть безоговорочным обезглавливанием виновного.

Если фатальных последствий преступление призывника не имело, наказание уменьшалось на одну степень, то есть – до ссылки на 3 тыс. *ли*.

В цепочку виноватых вовлекались, как всегда, и контролирующие призыв чиновники, причём тяжесть полагавшегося им наказания зависела в первую очередь опять-таки от последствий, которые были вызваны злонамеренным обманом со стороны при-

³¹ Более буквально это выражение можно понять как «способность выдал за неспособность».

зывника. Во вторую очередь виновность чиновника зависела от того, по халатности и недосмотру либо умышленно, в силу сознательного попустительства он поддался на обман.

Непосредственно ответственные лица (*чжусы* 主司), не прошедшие исчерпывающей проверки и поддавшиеся на обман, получают наказания, уменьшенные на две степени... Если они не провели исчерпывающей и доскональной проверки действительного положения дел, поддались на обман и доверились словам, они получают наказания, уменьшенные на две степени. Знаящие об обстоятельствах... получают то же самое наказание, что и преступник. Когда доходит до смерти, наказываются ссылкой с дополнительными работами (*цзя и лю* 加役流). Если дело не было сорвано – ссылкой на 3 тыс. *ли* [Ган люй. Ст. 236; Уголовные установления Тан, 2001, с. 268–269].

То есть если хитреца-уклониста следовало из-за тяжких последствий его уклонения наказывать обезглавливанием, чиновник, который не выявил обмана и то ли и впрямь оставил призывника дома, то ли не разглядел, что он куда боевитей, чем это продемонстрировал, и не зачислил его в элитную часть, подлежал наказанию тремя годами каторги (уменьшение смертной казни на одну степень давало ссылку на 3 тыс. *ли*, а уменьшение ссылки на одну степень – три года каторги)³². Если же трагических событий не последовало и уклонисту полагалась всего лишь ссылка на 3 тыс. *ли*, поддавшегося на обман чиновника наказывали двумя с половиной годами каторги.

Проверяющий же, преднамеренно пошедший на поводу у обманщика, если тяжких последствий обман не вызвал, подлежал ссылке на 3 тыс. *ли*, как и сам обманщик. Если же тяжкие последствия имели место и обманщику полагалось обезглавливание, закон всё же оказывал чиновнику некоторое снисхождение и оставлял его жить, заменяя смертную казнь на ссылку с дополнительными работами.

³²«...Наказание смертью, [подразделённое] на две [разновидности], и наказание ссылкой, [подразделённое] на три [разновидности], при уменьшении сводятся в одну степень каждое. ... Предположим, ...есть [некто], совершивший преступление, наказуемое ссылкой на 3 тыс. *ли*, причём должно [действовать] по норме уменьшения наказания на одну степень. Тогда приговор – три года каторги» [Ган люй. Ст. 56; Уголовные установления Тан, 1999, с. 284–285]. Обычная ссылка подразумевала один год работ, затем ссылный переводился на поселение. При ссылке с дополнительными работами полагалось три года работ, а не год.

Опоздания на смотры

Обучение дружинников и бойцов военному делу проводилось на специальных учениях и сборах, которые осуществлялись как по отдельности в каждой дружине, так и более масштабным образом, порой даже в присутствии императора, когда тот прибывал на смотр войск.

...Если Высочайший выезд прибывает лично, это называется большим сбором для смотра (*цзюйцзя циньсин ши мин дацзи цзяюэ* 車駕親行是名大集校閱) [Тан люй. Ст. 229; Уголовные установления Тан, 2001, с. 256].

И те и другие – по крайней мере, теоретически – следовало проводить в свободное от основных сельскохозяйственных работ время, чтобы не нарушать ритм снабжения страны продовольствием.

Возможно, призыв, о котором речь шла выше, осуществлялся не только в случаях начала реальных военных действий и не только на текущую посменную службу в столице и гарнизонах, но и по случаям смотров и учений.

На смотры призывались как офицеры и рядовые, так и некий вспомогательный состав из гражданских, которые не участвовали в собственно военных тренировках и исполняли, видимо, различные вспомогательные функции – носильщиков, фуражиров и пр. Их в Кодексе называют *чайфа цунсин* 差發從行, то есть «в качестве повинности назначенные в сопровождение», и поясняют их роль крайне скупое: «[те, кто должен был явиться] собственной персоной в надлежащее время» (*чжэньшэнь данши* 正身當時). Относительно их конкретных обязанностей ничего не сказано, и только из того, что для них наказания за опоздания устанавливались более лёгкие, чем для бойцов, можно предположить, что их функции были вспомогательными.

Судя по тексту статьи об опозданиях призывников на сборы или, как мы увидим позже, и в формирующуюся боевую армию, их перемещение из мест призыва к месту дислокации войска не было хоть сколько-то централизованным, каждый добирался как умел. Поэтому и ответственность за опоздания возлагалась индивидуально.

Опоздания карались. Причём в данном случае имелись в виду только опоздания к объявленному сроку сбора:

Опоздал к сроку и не явился – имеется в виду, что не явился ко времени [большого] сбора (*вэйци бу дао чжэ вэй юй цзиши бу дао* 違期不到者謂於集時不到)... [Тан люй. Ст. 229; Уголовные установления Тан, 2001, с. 256].

Если речь шла о больших смотрах, тем более – в присутствии императора, за опоздание на один полный день устанавливались следующие наказания: для рядовых – 100 ударов тяжёлыми палками, для комсостава (*чжушуай* 主帥) – на две степени тяжелее, то есть полтора года каторги, для сопровождающих, то есть для вспомогательного персонала, – на одну степень легче, чем для рядовых, то есть 90 ударов тяжёлыми палками. Для всех категорий служащих равным образом за каждые последующие три дня опоздания наказание увеличивалось на одну степень.

Поскольку верхний предел возрастания наказаний не обозначен, следует полагать, что предельным наказанием для всех была ссылка на 3 тыс. *ли*. В первом разделе Кодекса поясняется:

[Если в статье] нет текста об ограничении увеличения наказания, должно увеличивать его только до ссылки на 3 тыс. *ли*. Нельзя, чтобы увеличение доводило его до смерти [Тан люй. Ст. 56; Уголовные установления Тан, 1999, с. 285].

Из этого следует, что закон считал вероятными достаточно долгие опоздания. Для рядовых, например, предел роста наказания наступал при 25 днях опоздания.

Опоздания на локальные учения дружинного уровня считались всего лишь чем-то вроде, говоря современным языком, административных нарушений. Наказания тут полагались только как за нарушение внутриведомственных установлений (*ши* 式). За подобные проступки Кодекс карал 40 ударами лёгкими палками. Однако необходимость увеличивать наказания для комсостава и уменьшать для вспомогательного персонала означала, что если на дружинные учения опаздывал товарищ взводного исправника или офицер более высокого уровня, за один день опоздания ему полагалось 60 ударов тяжёлыми палками, а если опоздал тот, кто был назначен в сопровождение, – 30 ударов лёгкими палками. О возрастании наказания в зависимости от длительности опоздания применительно к дружинным учениям не сказано ничего. С некоторой долей вероятности можно предполагать: даже с учётом того, что начальное наказание определялось лишь как за нарушение внутриведомственных установлений, срок опоздания приводил к его росту согласно обычной норме: за каждые следующие три дня – на одну степень тяжелее, и так вплоть до ссылки на 3 тыс. *ли*. Но доказать такое предположение невозможно, и обратное тоже вполне вероятно; то, что о росте нет упоминаний, проще всего объяснить тем, что роста не предполагалось.

Зато последняя фраза статьи вносит весьма существенное уточнение, из которого следует, что отнюдь не всегда виновными могли считаться лишь сами опоздавшие. Причина неявки определяла её виновника.

Если должностные лица, которым это было вверено (*со сы 所司*), не сообщили [о готовящемся смотре], то [соответствующим образом] наказываются должностные лица, которым это было вверено [Тан люй. Ст. 229; Уголовные постановления Тан, 2001, с. 256].

Значит, если какой-либо чиновник, ответственный за информирование низовых армейских структур о времени (и, возможно, месте) проведения учений, не проинформировал кого-то вовремя, он подлежал наказанию, тяжесть которого полностью определялась тем, кто (рядовой, офицер или вспомогательный служащий) и на сколько (в зависимости от количества дней) опоздал. К сожалению, относительно ситуаций, когда подобная халатность привела бы к групповому опозданию, не сказано ничего. Возможно, недосмотр такого масштаба танские законодатели полагали маловероятным, и речь идёт только о самых нижних звеньях армейских информационных цепочек, чьей обязанностью было информировать о предстоящем сборе конкретных лиц или, по крайней мере, их деревенское начальство, глав их семей и пр.

Неправомерные задержки новобранцев

Опоздать к моменту завершения формирования армии призывники (*чжэньжэнь 征人*) могли, разумеется, не только когда готовился большой смотр или региональные учения, но и в реально действующую армию, формируемую для похода или уже отправляемую в поход. Понятно, что в этих ситуациях наказания за нерасторопность и нерадивость должны были быть строже, чем в ситуациях с учебными сборами. Так и было.

Нерасторопных призывников наказывали по-разному в зависимости от сущности задержки.

Пока армия ещё только формировалась, срок опоздания отсчитывался от теоретически исчисляемого момента, когда данному призывнику надлежало, исходя из нормативов скорости перемещения (*чэн 程*), пуститься в путь, чтобы успеть вовремя. В статье уточняется:

...Имена уже включены в [списки состава] армии (*мин и цунцзюнь 名已從軍*), причём и пехота, и конница уже приведены в движение (*бинма бин фа 兵馬並發*). ...Имеется в виду, что [счёт ведётся] от дня, когда включённому в [состав] армии

человеку [надлежало] тронуться в путь (*вэй цунцзюнь жэнь шандао жи* 謂從軍人上道日)... [Тан люй. Ст. 231; Уголовные установления Тан, 2001, с. 259].

Такое опоздание не могло иметь для армии серьёзных последствий, ведь, в сущности, призывник опоздал не в армию, а всего лишь относительно надлежащего момента своей личной отправки туда. Был нарушен ритм надлежащих процедур, но это преступление было равно самому себе, оно не имело негативного результата. Всё плохое, что могло случиться, уже случилось: призывник не покинул отчий край вовремя, в положенный срок, а когда он явился к месту назначения, это закон не интересовало. Формирование войска шло своим чередом.

В подобной ситуации за один день задержки (то есть фактически – полные сутки) призывника следовало наказывать 100 ударами тяжёлыми палками, то есть так же, как за один день опоздания рядового на смотр. Однако затем увеличение наказания происходило быстрее – наказание становилось тяжелее на одну степень не за каждые следующие три дня задержки, но за каждые два дня. И этот рост мог достигнуть смертной казни. При 17 днях задержки наказание становилось равно ссылке на 3 тыс. *ли*, а за 20 дней полагалось удушение.

Однако нерасторопный призывник мог не только промедлить с выходом из дома, но и реально опоздать в армию ко времени её выступления. Подобную ситуацию в Кодексе снова называют *линцзюнь чжэньтао* 臨軍征討 и поясняют этот момент так:

.....Имеется в виду, что слышны и [сигнальные] гонги, и барабаны, и наступает срок [отправления в поход для начала] боевых действий (*чжэн гу сянь вэнь чжэци цзяочжань* 鉦鼓相聞指期交戰) [Там же]³³.

³³ Перевод этой фразы изменён. В издании 2001 г. он выглядел так: «Имеется в виду, что слышны одному [противнику] гонги и барабаны другого и назначен срок сражения». Теперь я думаю, что был тогда неправ: вряд ли здесь имеется в виду, что армия уже находится на позициях у места генеральной баталии и противник рядом. Скорее здесь говорится о сигналах к выступлению в поход. Трудно предположить, что противоборствующие армии день за днём стояли бы одна против другой и при этом кого-то интересовало, насколько задерживается некий добирающийся до места грядущей битвы своим ходом призывник – на двое суток или на трое. Можно предположить, что к месту комплектования какие-то призывники шли поодиночке, каждый сам по себе, но что таким образом армия врассыпную выходила на боевую позицию перед сражением – невероятно.

В случае когда призывник опаздывал к моменту *линьцзюнь чжэнтао*, наказание становилось предельно суровым. Если он не поспел к началу движения, то, даже если ещё не прошли полные сутки, наказанием была ссылка на 3 тыс. *ли*. По прошествии же полных трех суток разгильдяю полагалось обезглавливание.

Если *линьцзюнь чжэнтао* действительно означает момент выхода армии из места формирования в поход, а не какой-то краткий период между окончанием её формирования и выходом (когда сигналы уже раздавались вовсю, гонги и барабаны не умолкали, но «пыль из-под сапог» ещё не взвилась), то из последнего предписания можно заключить, что этот экстремально медлительный призывник, по всей видимости, всё же нагнал потом армию. Или, будучи схвачен там, где армия формировалась и где, когда он наконец туда дошёл, её уже не было, он оказался экстренно и насильно препровождён в войско каким-то аналогом военной полиции. Иначе становится совсем трудно понять, от какого момента отсчитывалось его роковое опоздание, кто определял приговор и кто приводил его в исполнение. С некоторой натяжкой можно себе представить ситуацию, когда опоздавший добрёл наконец к месту формирования, не застал ушедшую, скажем, целых трое с лишним суток назад армию, но был схвачен местными властями и за опоздание казнён на месте. Однако эту и так-то не слишком убедительную картину начисто разрушает следующее, чрезвычайно существенное предписание, из которого очевидно следует: наказывал или миловал опоздавшего именно военачальник идущей в поход армии.

Отправив [полководца] в поход, ему вверяют бремя [власти] (*туйгу цзи чжун* 推轂寄重). ...Когда применить [наказание], а когда оставить [без наказания, полководец решает] исходя из ситуации, поскольку задача заключается в том, чтобы [добиться] максимальной пользы (*у цзай чэн цзи* 務在成濟). ...[Если назначен] определенный срок, когда [надлежит] идти спасать [положение] (*ин ци фу нань* 應期赴難), того, кто к этому сроку опоздал, либо наказывают обезглавливанием, либо оставляют без наказания [из-за] стремления к подвигам (*цю гун* 求功)... Имеется в виду либо что, [хотя и] нарушил армейский приказ, [зато] устремился [совершить] из ряда вон выходящий подвиг, либо что, хотя и упустил срок, намеревался возместить это, отдавая все силы впоследствии (*хо вэй юй цзюньлин бецю игун хо суй цзи цяньци ни шюу хоусяо* 或違於軍令別求異功或雖即愆期擬收後效). Каз-

нить или оставить [без наказания] – решают сообразно ходу дел (*хо лу хо шэ суйши чудуань* 或戮或捨隨事處斷). В ситуациях подобного рода настоящее уголовное установление не накладывает ограничений [Тан люй. Ст. 231; Уголовные установления Тан, 2001, с. 260].

Таким образом, применение этой суровой нормы закона оставлялось на усмотрение полководца, ведшего армию в поход и целиком отвечавшего за успех миссии и за моральный дух вверенных ему войск. Он вполне мог помиловать опоздавшего, стимулируя его таким образом к действиям, хорошо нам известным под рубрикой «кровью вину искупишь». Известно также, что те, кто отличается скрупулёзным соблюдением уставов, нередко гроша ломаного не стоят в экстремальных ситуациях, а тем, кто не в ладах с дисциплиной, своей лихостью и буйной инициативностью порой удаётся с избытком компенсировать свои гарнизонные недостатки успехами в боевой обстановке. Видимо, эти специфические свойства армии не были секретом и полторы тысячи лет назад.

Неправомерные отпуска

Достоин изумлённого уважения за свою очевидную, но в нашем мире такую редкую справедливость танский подход, согласно которому если военный начальник в армии или гарнизоне отпускал воина-призывника или бойца пограничной стражи в самовольную отлучку, то главарём считался именно он, начальник, а отпущенный им боец – лишь сообщником. Совершенно неважно было, кому в действительности принадлежала инициатива отлучки – боец ли упросил начальника отпустить его или сам начальник послал бойца исполнить, например, какую-то его личную просьбу вне армии или гарнизона. Кодекс вообще не касается этого вопроса. Начальник отвечает за вверенный ему воинский контингент, за каждого бойца в отдельности – и этим всё сказано.

Стоит вспомнить, что если в одном групповом преступлении были замешаны старшие и младшие члены семьи, ответственности подлежали только старшие.

Всякий раз, когда преступление совершается совместно, тот, кто подал мысль, рассматривается как главарь. Последовавшим за ним соучастникам наказание уменьшается на одну степень. Если преступление совместно совершили члены [одной] семьи, ответственности подлежат только старшие родственники [Тан люй. Ст. 42; Уголовные установления Тан, 1999, с. 237–238].

У младших просто не было выбора, принципы сыновней почитательности (*сяо* 孝) обязывали их подчиняться. Потому и ответственность на них не возлагалась. Законодатели чтили принципы *сяо*. Начальники к прямым старшим родственникам всё же не приравнивались, поэтому зависимость подчинённых не считалась столь безраздельной. Полного освобождения от ответственности закономерно не наступало. И тем не менее начальники при всех обстоятельствах были главарями.

Вообще говоря, уже упоминалось, что за побег из гарнизона или из идущей в поход армии закон предусматривал достаточно суровые наказания. Служащих погранзастав или гарнизонов, совершивших побег во время службы, за один день в бегах наказывали 80 ударами тяжёлыми палками, за 31 день и более – ссылкой на 3 тыс. *ли*. За один день побега из армии в походе карали одним годом каторги, за 15 и более дней – удушением. За сколь угодно короткий побег во время соприкосновения с противником (*линьдуй коуцзэй* 臨對寇賊) полагалось обезглавливание³⁴. Начальникам, сознательно попустительствовавшим побегу подчинённого, полагалось то же самое наказание.

Однако роли менялись, если речь шла не о побеге, на который начальство пусть даже закрыло глаза, а о более или менее официально санкционированной начальством самоволке. Здесь преступление начальника заключалось уже не в преднамеренном попустительстве (*гуцзун* 故縱), а в том, что он самовольно отпустил подчинённого (*сыфан* 私放). И тогда уже его, начальника, полагалось в зависимости от ситуации карать по статье о побеге, словно бы это он сам бросил расположение части. А вот отпущенный им боец получал наказание на одну степень меньше, как и полагалось соучастнику.

Строгость наказания зависела ещё и от того, куда именно был отпущен боец. Если речь шла о возвращении домой, и начальник,

³⁴ «Всякий, кто, ...когда армия уже вышла в усмирительный поход, бежал, за один день наказывается одним годом каторги. За [каждый последующий] 1 день наказание увеличивается на 1 степень. За 15 дней – удушение» [Тан люй. Ст. 457; Уголовные установления Тан, 2008, с. 131–132]. «Всякий боец пограничной стражи, бежавший во время следования к месту службы либо с места службы, когда [срок службы ещё] не истёк, ...за один день наказывается 80 ударами тяжёлыми палками. За [каждые последующие] три дня наказание увеличивается на одну степень. ...Увеличение может достигать ссылки на 3 тыс. *ли*» [Тан люй. Ст. 458; Уголовные установления Тан, 2008, с. 134]. Подробно см.: [Уголовные установления Тан, 2008, с. 309, 312].

и отлучившийся из части боец получали полные наказания, как за полноценный побег, – первый как главарь, второй как соучастник. Если же имела место всего лишь не особенно далёкая самовольная отлучка, наказания и тому и другому уменьшались на две степени.

Итак:

Всякий раз, когда воин-призывник (*чжэнжэнь* 征人) или боец пограничной стражи (*фанжэнь* 防人) частным порядком был отпущен вернуться (*сы фан хуань* 私放還) из места расположения армии (*цзюньсо* 軍所) либо из гарнизона или с пограничной заставы (*чжэнь шу* 鎮戍), соответственно каждому данному случаю наказание определяется как за побег воина-призывника или [служащего] гарнизона или пограничной заставы. Если же частным порядком был отпущен самоуправно отлучиться (*чжэли* 輒離) из армии или гарнизона, соответственно каждому данному случаю наказание уменьшается на две степени. Место расположения армии – имеется в виду из [какого-либо] места, где армия проходит [в данный момент] (*цзай синцзюнь чжи со* 在行軍之所). ...Частным порядком отпустить воина-призывника или бойца пограничной стражи вернуться – имеется в виду, что воин-призывник или боец пограничной стражи ещё не должен возвращаться домой, но [кто-либо] самоуправно частным порядком отпустил его (*вэйхэ хуань цзя чжэ сыфан чжэ* 未合還家輒私放者) [Тан люй. Ст. 235; Уголовные установления Тан, 2001, с. 263–264]³⁵.

То есть начальник, отпустивший воина из гарнизона или с погранзаставы домой, за один день отсутствия отпущенного должен был быть наказан 80 ударами тяжёлыми палками, а за 31 день и более – ссылкой на 3 тыс. *ли*. Отпущенный получал на одну степень меньше – 70 ударов за один день, три года каторги за 31 день и более³⁶.

Если речь шла не о бойцах пограничной стражи, а воинах-призывниках, отпущенных из экспедиционной армии, отпустив-

³⁵ О таких терминах, как «военный округ», «гарнизон» и «пограничная застава» см.: [Рыбаков, 2009, с. 468, 471]. (В процитированной статье нет термина «военный округ», но он присутствует в ее ранее опубликованном переводе вместо термина «гарнизон», в свою очередь заменившего «заставу» [Уголовные установления Тан, 2001, с. 263]. – *Отв. ред.*)

³⁶ Поскольку при уменьшении на одну степень любая из трёх ссылок давала три года каторги.

шего начальника карали за один день отсутствия отпущенного одним годом каторги, за 15 дней – удушением. Отпущенный опять-таки получал наказание, уменьшенное на одну степень: за один день – 100 ударов тяжёлыми палками, за 15 дней и более – ссылку на 3 тыс. *ли*.

Если имела место всего лишь отлучка, а не прямой отпуск домой, наказания обоим соответственно уменьшались на две степени. За санкционированную отлучку подчинённого из гарнизона или с погранзаставы начальнику полагалось от 60 ударов тяжёлыми палками за один день до двух с половиной лет каторги за 31 день и более, отпущенному – 50 ударов лёгкими палками за один день, два года каторги за 31 день и более.

В случае отлучки из экспедиционной армии того начальника, что отпустил бойца, наказывали 90 ударами тяжёлыми палками за один день и тремя годами каторги за 15 и более дней. Отпущенный и тут получал уменьшенное на одну степень наказание: от 80 ударов тяжёлыми палками до двух с половиной лет каторги.

Когда армия уже находилась ввиду противника, за сколь угодно короткую санкционированную отлучку подчинённого начальнику полагалось обезглавливание, отпущенному – опять-таки уменьшенное на одну степень наказание, то есть ссылка на 3 тыс. *ли*.

Если отпущенных было несколько либо если дней отсутствия набиралось много, для определения наказания отпустившего всех их начальника полагалось суммировать, говоря современным языком, человеко-дни. В Кодексе это разъясняется так:

Если отпущенных людей много, один человек соответствует одному дню. Если дней отсутствия много, один день соответствует одному человеку. Имеются в виду [ситуации] такого рода, когда отпущено было три человека, причём каждый на пять дней, либо если отпущено было пять человек, причём каждый на три дня, суммирование даёт 15 дней. Всегда [нужно, чтобы] прошла ночь, и тогда подлежит ответственности [Тан люй. Ст. 235; Уголовные установления Тан, 2001, с. 265].

То есть если кто-либо не отсутствовал в расположении части в ночное время, а просто болтался где-то в окрестностях от восхода до заката, он в ряд слагаемых не включался. Остальные же суммировались. Например, если из гарнизона или с погранзаставы был отпущен домой один человек и он отсутствовал 31 день, это было то же самое, как если бы тот же начальник отпустил 31 человека, каждый из которых отсутствовал сутки. И в том и дру-

гом случае начальника наказывали ссылкой на 3 тыс. *ли*.

А ситуация с отпуском из экспедиционной армии растолковывается ещё и следующим образом:

Например, отпустили семь человек, причём каждого на два дня, и ещё отпустили одного человека, который отсутствовал на протяжении одного дня. Это также рассматривается как 15 дней, так что [отпустившего] должно наказывать давлением. Люди и дни суммируются одни с другими в целом, так что по людям ли, по дням ли суммирование даёт 15 дней, и в любом из этих случаев наказание достигает смертной казни [Тан луй. Ст. 235; Уголовные установления Тан, 2001, с. 266].

К сожалению, ничего не сказано о том, как в подобных ситуациях определялось наказание самим отпущенным. Они ведь не могли отвечать по сумме человеко-дней, даже с учётом полагавшегося им уменьшения наказания на одну степень относительно начальника. Надо полагать, наказание каждому определялось как за индивидуальное отсутствие с уменьшением на одну степень. Тогда получалось бы, что срок личного пребывания каждого вне части переносился на начальника как бы по отдельности, затем соответствовавшее этому сроку наказание, полагавшееся бы начальнику, если бы данный отсутствовавший был единственным, уменьшалось на одну степень и уже тогда возвращалось самому отпущенному.

Если отлучившийся не провёл вне расположения своей части ночь, наказания вообще не полагалось. Если же ночь отлучившийся боец провёл именно вне части, но всё же его отлучка не длилась полных суток, то отпустивший его начальник подлежал наказанию как за неположенное действие (*бу ин дэ взй* 不應得為). Если казус произошёл в идущей в поход армии, неположенное действие следовало считать тяжёлым и наказывать надлежало, следовательно, 80 ударами тяжёлыми палками. В ситуациях с гарнизоном или пограничной заставой неположенное действие считалось лёгким, следовательно, каралось 40 ударами лёгкими палками. Сам отпущенный боец в обоих случаях также получал наказание, уменьшенное на одну степень по сравнению с отпустившим его начальником – соответственно 70 ударов тяжёлыми палками или 30 ударов лёгкими палками. Получается, что перед следствием закон ставил, помимо прочих сложностей, ещё и задачу точно выяснить момент, когда именно провинившийся начальник отпустил бойца в самоволку. Ведь строгость наказания

обоим в значительной степени зависела от того, прошло с момента отпуска полных 24 наших часа или нет.

Нарушение сроков смены

Бойцов пограничной стражи (*фанжэнь* 防人), предназначенных для приграничных гарнизонов (*чжэнь* 鎮) и пограничных застав (*шу* 戍), следовало отправлять своевременно; длительность смен и сроки их чередования были определены строгим регламентом.

Стоит напомнить общеобязательное установление, прямо касающееся этой темы:

Бойцы пограничной стражи, служащие посменно, сменяются в 1-й день 10-й луны [Ниидэ Нобору, 1964, с. 387].

Следовательно, территориальные военные власти обязаны были позаботиться, чтобы направляемые ими в приграничье и на собственно границу новобранцы попадали к месту службы вовремя, точно к моменту смены. При этом им надлежало учитывать, что от места приписки к месту службы новобранцы не в состоянии переместиться мгновенно; отправлять их надлежало так, чтобы они попадали в свой гарнизон или на свою погранзаставу вовремя с учётом срока, необходимого для перемещения от места жительства к месту службы. То есть время, отведённое на путь, в срок службы смены не входило, а предшествовало ему.

Если срок отправки был нарушен так, что бойцы не успели к началу дежурства своей смены (к 1-му дню 10-го месяца), должностные лица, ответственные за отправку, подлежали наказанию, причём строгость его зависела, как обычно в подобных ситуациях, от величины опоздания.

Если ответственные власти (*гуаньсы* 官司) нарушили срок и не отправили (*вэй сянь бу цянь* 違限不遣), равно как если промедлили относительно времени, отведённого на [путь], и не отправили заблаговременно (*чжунь чэн цзивэй бу цао цянь* 準程稽違不早遣), за один день наказание – 100 ударов тяжёлыми палками. За [каждые последующие] три дня наказание увеличивается на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается двумя годами каторги [Тан люй. Ст. 239; Уголовные установления Тан, 2001, с. 271].

Нетрудно посчитать, что предел роста наказания соответствовал задержке новобранцев на одну декаду, на 10 полных суток. Затем наказание уже не увеличилось, насколько бы ни промедлили с отправкой территориальные военные чиновники.

Наказание было предусмотрено и для начальства гарнизонов и застав, если они по прибытии следующей смены бойцов задерживали предыдущую смену в своём распоряжении, не позволяя отслужившим бойцам покинуть гарнизоны и вернуться домой. Конечно, наказание за такую задержку было легче, ведь она не представляла угрозы для безопасности страны и являлась всего лишь несправедливостью по отношению к частным лицам, к отдельным бойцам. Но всё же наказание предусматривалось, и тоже не чисто символическое – несправедливость по отношению к народу танские законодатели обычно не жаловали.

Если же смена прибыла, но [предыдущую смену] не отпустили – имеется в виду, что бойцов пограничной стражи, к которым в 1-й день 10-й луны прибыла замена, не отпустили, – то наказание уменьшается на одну степень. Имеется в виду, что за один день наказание – 90 ударов тяжёлыми палками. За [каждые последующие] три дня наказание увеличивается на одну степень. [Увеличение] наказания ограничивается полутора годами каторги [Там же].

Помимо сроков чередования смен служба пограничной стражи регламентировалась ещё и определёнными нормами, запрещавшими использовать пограничников сверх меры для исполнения посторонних обязанностей.

Согласно общеобязательным установлениям об армии и пограничной страже, [бойцы] пограничной стражи помимо [исполнения обязанностей по] защите [своего] укрепления могут только чинить армейское снаряжение, городские стены и рвы, общественные здания и постройки [Ниида Нобору, 1964, с. 386].

[Бойцам] пограничной стражи помимо [исполнения обязанностей по] защите [своего] укрепления исходя из их численности в ближайших окрестностях места их службы выделяют пустующие земли, и, в соответствии с тем, что является подходящим в данных природных условиях, они осуществляют посадки разнообразных овощей для пополнения запасов провианта и питания бойцов пограничной стражи [Там же, с. 388].

Поскольку исполнение подобных функций не являлось прямой обязанностью пограничников, привлекать их к такого рода занятиям, а тем более – к каким-то иным, совсем уже побочным, следовало лишь в строгом соответствии с регламентом. Сам Ко-

декс, уже без ссылок на иные нормативные акты, буквально уве-
щевает:

Труд и отдых требуется распределять [между бойцами] поровну (*сюй кулэ цзюньпин 須苦樂均平*), и использовать их как обслугу [следует] соразмерно их силам (*лянли цюйши 量力驅使*) [Тан луй. Ст. 239; Уголовные установления Тан, 2001, с. 272].

Если гарнизонное начальство нарушало эти требования и не берегло своих бойцов, изнуряя их на подсобных работах, то этому начальству грозило двойное наказание. Строгость его варьировалась в зависимости от результатов проявленной командирами жестокости.

Если неправомерное использование бойцов на непосильных работах довело до побегов, спровоцировавшие бегство начальни-
ки подлежали относительно суровому наказанию.

Если ответственные власти (*гуаньсы 官司*) гарнизона или пограничной заставы привлекали бойцов пограничной стра-
жи к работам в нарушение порядка службы (*бу и ли 不以理*) и это привело к побегам, за одного человека наказание – 60 ударов тяжёлыми палками. За [каждых последующих] пять человек наказание увеличивается на одну степень. [Увели-
чение] наказания ограничивается полутора годами каторги [Тан луй. Ст. 239; Уголовные установления Тан, 2001, с. 271–272].

Следовательно, предельное наказание полагалось за доведение до побега 31 бойца. Затем, вне зависимости от количества реально бежавших, наказание начальника уже не могло быть увеличено.

Если же несчастные пограничники безропотно терпели то, что начальство использует их на побегушках, в качестве бесплатных рабочих рук, и не пытались спастись побегом, но дело всё же как-
ким-то образом получило огласку и дошло до суда, виновный начальник отвечал всего лишь за действия, не соответствующие общеобязательным установлениям. Не исключено, что танские законодатели всерьёз полагали: если не бегут – значит, терпеть ещё можно, а вот если бегут – значит, терпеть уже и впрямь нель-
зя. Возможно, факт побега считался однозначным признаком то-
го, что эксплуатация превысила некий хоть как-то допустимый предел, а от того, что люди не одинаковы и пределы терпения у них тоже различны, законотворцы, видимо, абстрагировались. Судя по интонации соответствующих фраз, то, что у начальника-самодура бойцы всё же не бежали, служило для него сильным смягчающим обстоятельством и то, что он всё же мог быть нака-

зан, хотя и не довёл бойцов до побега, а просто пользовался ими, как хотел, считалось по отношению к долготерпеливым бойцам чуть ли не благодеянием.

Если привлекали в нарушение порядка службы, то, хотя бы бойцы пограничной стражи и не совершали побегов (*фанжэнь суй бу таоцзоу* 防人雖不逃走), [закон предусматривает] определение приговора по [статье] о нарушении общеобязательных установлений (*цун вэй лин кэдуань* 從違令科斷) [Тан люй. Ст. 239; Уголовные установления Тан, 2001, с. 272].

За это полагалось 50 ударов лёгкими палками [Тан люй. Ст. 449; Уголовные установления Тан, 2008, с. 112].

Возможно, однако, что такая трактовка основана, скорее, на наших современных представлениях, нежели на тогдашних китайских. Вероятнее то, что тонкие градации степеней эксплуатации вовсе не интересовали танских законодателей. Привлечение пограничников к посторонним работам как таковое наказывалось 50 ударами лёгкими палками вне зависимости от того, насколько неоправданным и неумеренным оно было. Однако если оно приводило к побегам, гарнизон терял таким образом разом и бойцов, и работников, некому становилось ни на страже стоять, ни предписанные работы выполнять, и вот это-то отягчающее обстоятельство приводило к увеличению наказания за использование служащих не по назначению. Одно и то же преступление подлежало наказаниям различной тяжести в зависимости от тяжести вызванных им последствий – такое нам встречалось в танском праве уже не раз.

Криминал в гарнизонах

Служба в гарнизоне или на погранзаставе была в меньшей степени сопряжена с непосредственным ведением боевых действий, чем усмирительные походы, для которых воинов набирали, как уже упоминалось, специально. Гарнизон мог спокойно и рутинно жить своей полувоенной жизнью в течение более или менее долгого времени и не сталкиваться с необходимостью обнажать оружие, применять силу и подвергать опасности жизнь бойцов. Военнослужащие гарнизонов рисковали собой в несколько меньшей степени, чем воины в экспедиции, чьё прямое участие в боевых операциях было практически неизбежным.

Судя по всему, закон исходил из того, что у бойцов, направляемых для несения службы в гарнизонах и на погранзаствах, стремление, скажем, уклониться от призыва непременно слабее, чем у тех, кого призывали на заведомую войну. Ведь чем больше

риск – тем сильнее желание его избежать. Да и опасность для страны такое уклонение представляло несколько меньшую – победный результат генеральной баталии куда важнее, чем сколь угодно безукоризненная рутинная служба в заштатном гарнизоне. А чем важнее результат операции – тем менее могут быть позволены вольности, ставящие желаемый результат под вопрос. Ввиду этих двух главных соображений за преступления, аналогичные преступлениям воинов-призывников, служащим гарнизонов закон грозил более щадящими карами. Более сильному желанию надлежит противодействовать более сильным страхом, это понятно. Срыв менее важного дела всегда наказуем легче, чем срыв более важного дела, это понятно тоже.

Относительно некоторых правонарушений статьи Кодекса делили независимые указания, специально предусматривая по отдельности наказания для воинов-призывников (*чжэнжэнь* 征人) и для бойцов пограничной стражи (*фанжэнь* 防人). Например, самовольные отлучки, в том числе с разрешения начальства, из гарнизона или идущей в поход армии подлежали наказанию как за побег, а поскольку побег из гарнизона или из экспедиционной армии карались по-разному (естественно, в случае с экспедиционной армией – гораздо суровей), то автоматически получалось, что и за самовольные отлучки наказания были различными.

...Тот, кто следовал с идущей в умирительный поход армией и бежал, за один день наказывается одним годом каторги. За [каждый последующий] один день наказание увеличивается на одну степень. За 15 дней – удушение. Если бежал непосредственно перед столкновением с разбойниками – обезглавливание... Тот, кто отпустил воина-призывника с тем, чтобы он вернулся, соответственно каждому данному случаю получает данное наказание.

...Если боец пограничной стражи бежал во время следования к [месту службы в] пограничной страже или до истечения срока [службы], причём военнослужащие военных округов приравниваются к ним, за один день наказание – 80 ударов тяжёлыми палками. За [каждые последующие] три дня наказание увеличивается на одну степень. Отпустивший бойца пограничной стражи вернуться соответственно каждому данному случаю получает данное наказание [Тан люй. Ст. 235. Уголовные установления Тан, 2001, с. 264].

А вот если наказаний специально для военнослужащих пограничной стражи не было предусмотрено и речь в том или ином за-

коне шла (как это в действительности и было в большинстве случаев) только о воинах-призывниках, то для определения наказания, полагающегося за аналогичное преступление бойцу пограничной стражи, следовало просто уменьшить на две степени наказание, предписанное за это самое преступление воину-призывнику.

[Если] в гарнизоне или на пограничной заставе (*чжэнь шу* 鎮戍) бойцы пограничной стражи совершили взаимоподмену под прикрытием именами [друг друга], ...равно как при оказании военным округом или пограничным гарнизоном отпора разбойникам [кто-либо из них] хитростью или обманом уклонился от службы, равно как на испытаниях не сделал того, что мог сделать, относительно всех этих [действий] ...наказаний не предусмотрено. Соответственно каждому данному случаю уменьшаются на две степени наказания, предусмотренные для воинов-призывников [Тан луй. Ст. 237; Уголовные установления Тан, 2001, с. 269].

То есть если, например, за взаимоподмену при наборе бойцов для экспедиционной армии инициатор подмены подлежал наказанию двумя годами каторги, а его сообщник – полтора годами, то за то же преступление, совершённое при наборе бойцов пограничной стражи, главаря следовало наказать одним годом каторги, а его сообщника – 100 ударами тяжёлыми палками.

Источники и литература

1. Большой китайско-русский словарь, 1983–1984–Большой китайско-русский словарь / Под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1983–1984.

2. Кычанов, 1986 – *Кычанов Е. И.* Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв). М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1986.

3. Рыбаков, 2009 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 1. Генезис и структура. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

4. Рыбаков, 2013 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2013.

5. Рыбаков, 2018 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 3. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2018.

6. Свод законов «Тайхорё» – Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. Т. 1–2. М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985.

7. Уголовные установления Тан, 1999 – Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и 唐律疏議) / Пер., введ. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1–8. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999.

8. Уголовные установления Тан, 2001 – Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и 唐律疏議) / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 9–16. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

9. Уголовные установления Тан с разъяснениями – Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и 唐律疏議) / Пер. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26–30. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

10. Нида Нобору, 1964 – *Нида Нобору* 仁井田陞 То рёсю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио: Токё дайгаку сюпанся 東京大學出版社, 1964.

11. Синь Тан шу, 1975 – Синь Тан шу 新唐書 (Новая история Тан). Т. 1–20. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

12. Тан люй шу и, 1936-1939 – Тан люй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн 叢書集成 (Полное собрание книжных серий). Т. 775–780. Шанхай: Синфагуань шу иньшан 行發館書印務商, 1936–1939.

13. The T'ang Code, 1979–1997 – The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by W. Johnson. Princeton, 1979. Vol. II: Specific Articles. Princeton: Princeton University Press, 1997.

*Viyacheslav M. Rybakov**

Tang Laws About the Illegal Actions in the State Defense Sphere

ABSTRACT: Military efforts and related activities of the military and civil administration are one of the most important areas of state-building. Some aspects of this activity are universal. It is very interesting and very important to identify the common and the special in this field. The current article uses the criminal laws of the Chinese Tang dynasty to describe and analyze the legal norms of the Tang state aimed at optimizing military efforts, and the routine activities of the state apparatus to fulfil these legal norms.

KEYWORDS: Traditional China, State and Law, Bureaucracy, Military Activities, State Defense, Administrative Law, Criminal Law

* Rybakov Viyacheslav Mikhailovich, Dr. Hab. (History), Leading Research Associate, Department of Far Eastern Studies, Institute of Oriental Manuscripts RAS (St. Petersburg), ouyangtsev@mail.ru